

Матильда Аваланж

ТКАНЩИКИ

ПЕРКАЛЬ

Флер страсти

Городское фэнтези Матильды Аваланж

Матильда Аваланж

Перкаль. Флер страсти

«Автор»

2023

Аваланж М.

Перкаль. Флер страсти / М. Аваланж — «Автор»,
2023 — (Городское фэнтези Матильды Аваланж)

Я скрывалась от следующего за мной по пятам кошмара. Но он нашел меня - даже на самом краю света. Теперь я должна вернуться в мрачный город, из которого когда-то бежала, чтобы встретиться со своим страхом лицом к лицу и узнать откуда он родом. Смогу ли я выжить и не сойти с ума? Ведь прошлое подчас хранит слишком мрачные тайны...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	43
ГЛАВА 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Матильда Аваланж

Перкаль. Флер страсти

ГЛАВА 1

Парящие в воздухе

Парикмахер щелкнул надо мной ножницами.

– Вы уверены, что хотите это?

Уверена ли я?

Господи, да нет конечно!

Мне безумно жаль свои волосы!

Но я теперь в бегах, а беглянки по всем канонам жанра либо отстригают волосы, либо красят их в совершенно другой цвет в туалете придорожного кафе, как Дженнифер Лопез в клипе на одну известную песню.

Она там, правда, ещё машину сожгла, но такого глупого и красивого удовольствия я себе не позволила.

Машину Гая я продала. Это было более выгодно.

– Я вас поняла? Стричь? Вы хотите стричь? Вот так коротко? Ещё короче?

– Да, все верно.

– У вас шикарные волосы, – она подняла одну прядь и обернулась к парню, который делал завивку пожилой женщине. – Коста, ты слышал? Эта деспенис хочет стать совсем как мальчик! Вам просто не пойдёт такая стрижка!

Бросив на меня оценивающий взгляд, парень коротко заключил:

– Она безумна, не иначе.

Честно говоря, я пыталась решиться на такие кардинальные изменения в своей внешности не в первый раз.

Не думаю, что это как-то помогло получше спрятаться от тех, кто следует за мной по пятам, и все же так было бы спокойнее. И правильнее.

Другая жизнь – другая причёска.

– Ну что, деспенис, стрижем? – ещё раз на ломаном русском спросила парикмахер с видимой жалостью.

И я, конечно, снова трусливо отступила.

В конце концов, почему из-за каких-то глупостей я должна делать то, чего мне не хочется?

– Пожалуй, вы правы, – я с облегчением поднялась из кресла. – Если надумаю – вернусь.

– Надеюсь, не надумаете! – широко улыбнулась девушка. – Вам так идут длинные волосы!

Правда, Коста?

Парень, не отрываясь от работы, цокнул и поцеловал пальцы.

Наверное, это означало высшую степень согласия.

Я с лёгким сердцем выбралась из парикмахерской и оказалась на узкой улочке в окружении деревянных балконов, с которых свешивалась зелень и гирлянды цветов.

Магазинчики и различные лавки располагались на первых этажах жилых домов.

Улочка вела прямо к морю.

Собрала волосы в хвост и побежала вперёд.

Недалеке показалась витрина со свадебными платьями. Эти платья не из миткаля, нет!

Это обычный салон, и Ян не выйдет из его двери и не преградит мне путь, торжествуя улыбаясь своей сумасшедшей улыбкой.

И все-таки один лишь вид манекенов, задрапированных белой тканью, заставил меня свернуть в проулок.

Уж лучше обойду этот магазин!

Я знала, что после событий двухмесячной давности нервы у меня стали совсем ни к чёрту. Я боялась каждого брошенного на меня взгляда, каждого громкого звука, но больше всего – ночи и таящихся в ней шорохов.

Мне все время казалось, что Ян нашел меня и теперь наблюдает, играя, как кошка с мышкой.

Стыдно признаться, но порой я вела себя неадекватно даже на людях.

Когда летела сюда, то при посадке на самолёт заметила парня в ветровке с низко надвинутым на лицо капюшоном и перепугалась до такой степени, что чуть не сбежала прямо с трапа.

Хорошо хоть, он снял капюшон, когда показывал свой билет стюардессе и оказался, разумеется, не Яном, а каким-то темноволосым парнишкой, совсем юным.

Только тогда я отцепила судорожно сжатые пальцы от поручня и вывалилась из автобуса.

Хорошо хоть, в общей суматохе никто не заметил моей паники.

Попетляв по тенистым улицам, я, наконец, вышла к морю.

С удовольствием скинув сандалии, взяла их за ремешки и, утопая в белом нагретом солнцем песке, пошла к пляжу.

Здесь было так тепло, так солнечно и чудесно, что тревога мало-помалу убралась куда-то вглубь меня, затаилась до поры до времени.

Морские волны плавно накатывали на берег и отступали, успокаивая, убаюкивая, как будто уверяя в том, что сейчас я в полной безопасности.

И все же потрясающие ярко-аквамариновые воды будили в моём сердце печаль.

Я пыталась избавиться от воспоминаний, потому что они были слишком болезненны и горьки, и не могла.

Цвет Эгейского моря напоминал глаза Влада.

То, что он теперь мертв. И то, что его убил Гай.

Из-за меня.

Чтобы хоть как-то отвлечься от плохих мыслей, я принялась разглядывать виллы, мимо которых проходила. Они были очень уютными, с верандами, балкончиками, на которых стояла плетёная мебель, с ухоженными садами, а в некоторых двориках даже фонтанчики были.

Наверное, жить в одной из таких вилл на берегу моря – огромное счастье. Спокойно жить и знать, что за тобой по пятам не гонятся отвратительный безумец Ян и бывший возлюбленный Гай, ставший предателем и убийцей.

Они ищут меня, я знаю.

Поэтому постоянно переезжаю, не задерживаясь на одном месте дольше недели.

Благо, в этом помогают денежки, которые были в машине Гая, и которых мне хватит надолго.

О том, что будет, когда они закончатся, думать не хочется.

Заплатив два евро за вход на пляж, я отодвинула один из шезлонгов подальше от остальных, бросила на него сумку, скинула сарафан, под которым был надет купальник, и побежала к морю.

Оно приняло меня, обласкало, дурные мысли сразу куда-то улетучились. Плавала я не очень хорошо, но глубины не боялась, к тому же вода как будто держала.

Я даже до буйка доплыла!

Вдоволь наплескавшись, с удовольствием плюхнулась на шезлонг, ощущая, как солнце обогревает мою мокрую кожу.

Ненавижу зиму и промозглый холод!

Никогда больше не вернусь в Белый Лог!

А когда-нибудь, когда все это кончится, я обязательно поселюсь в симпатичном домике на берегу моря.

Перевернувшись на живот, я принялась лениво разглядывать из-под солнечных очков посетителей пляжа.

Народу было немного, в основном туристы – немцы, американцы, много русских...

Были на пляже и местные – греки.

Компания мужчин расположилась неподалёку под большим полосатым зонтиком, попивая пиво.

Они посматривали на туристок, но любоваться было особо не на что: две молодые высокие немки ушли, а на оставшуюся пожилую пару американцев любоваться явно не с руки.

Понятное дело, греки переключились на меня. Я была сама скромность, но как можно оставаться скромной в купальнике?

Они разглядывали меня так откровенно, что я решила больше не обращать на них внимания.

Натянула свою широкополую шляпу с синей лентой и достала из сумки купленный ещё в аэроэкспрессе глянцевого журнала.

Но статьи были откровенно скучными, в духе «10 признаков того, что ваш парень вам изменяет», и я нет-нет да посматривала по сторонам.

К грекам тем временем подошел чернокожий парень с косичками-дреддами, перетянутыми разноцветными нитками. Они поздоровались, и, улыбаясь, принялись о чем-то болтать. В какой-то момент парень мельком взглянул на меня, а потом куда-то испарился.

Я ещё раз сходила поплавать, а потом принялась собирать из камушков своё имя на песке. Перебирать отполированные водой и нагретые солнцем гольши было приятно.

Среди них попадались необычные и по-настоящему красивые.

Я даже отложила несколько на память.

– Привет, деспенис, ты ведь русская?

Увлёкшись своим занятием, я не сразу заметила невысокого грека из той самой компании. Он был очень взрослый, лет под сорок, но прекрасно сохранился и теперь проникновенно смотрел на меня волоокими очами. Тому, что он знает русский, я не удивилась, так же как и тому, что он с ходу определил мою национальность.

Гид в автобусе рассказывал, что в этих местах бывает много русских туристов, поэтому местное население, работающее в гостиничном сервисе, неплохо знает этот язык.

В принципе, грек не первый приставала, меня предупреждали, что для местных клеиться к туристкам совершенно нормально. И все-таки он был немолод, и это меня неприятно задело.

Я даже отвечать ничего не стала, только кивнула.

– Я – Демитрос, а тебя? – не смутил грека мой недружелюбный вид.

– Ева.

– О! Ева – прекрасное имя и необычное для русской! Такое же прекрасное, как и ты! – бурно и банально восхитился Демитрос. – А из какого ты отеля?

Тут все так было запросто – обратиться на «ты» к незнакомой девушке вдвое моложе себя, спросить название ее отеля...

– Зачем вам? – прозвучало это нелюбезно, но я не собиралась называть ему практически свой адрес.

– Без злых умыслов! – с улыбкой поднял руки вверх грек. – Никаких плохих! Может, вечером в ресторан сходим?

Ну, я так и знала, что этим закончится...

– Думаю, мои родители этого не одобряют, – пожалала плечами я, вешая сумку на локоть.

– Ты с родителями здесь? – заинтересовался Демитрос. – А почему они с тобой не пошли к пляжу?

Ух, приставучий какой!

– Они около бассейна предпочитают отдыхать. Приятно было познакомиться! – вежливо улыбнулась я и, помахивая сандалиями, двинулась с пляжа прочь.

До небольшого отеля, в котором я остановилась, было пятнадцать минут ходьбы. Выбрала я его неспроста. В огромном отеле легче затеряться, и поэтому Гай с Яном будут искать меня там в первую очередь.

Впрочем, я всей душой надеюсь, что до Греции они ещё не добрались, а когда доберутся, я буду уже далеко отсюда.

С утра я не завтракала, поэтому ужасно проголодалась. Во Флегре как раз начался обед. Я набрала себе на большую тарелку всяких вкусностей, в том числе греческий салат, хотя, по моему, в России его готовили намного вкуснее, чем здесь.

Не обошла стороной и блюдо с очень острыми маринованными перчиками, которые почему-то мне особенно понравились.

Взяв кисть винограда на десерт, я отправилась в свой номер, находящийся на втором этаже необыкновенно уютного бунгало. Молодой садовник-грек приветственно помахал мне рукой, и я помахала в ответ. Он познакомился со мной сразу, как только я приехала во Флегру, и с тех пор оказывал всякие знаки внимания.

В основном это были цветы, оставленные у входа в мой номер, а однажды он пригласил меня в кафе. Словом, греки были очень любвеобильны и методы ухаживаний выбирали одинаковые.

Хорошо хоть, по соседству заехали две русские девушки, и садовник переключил своё внимание на них.

В номере я улеглась на кровать и попыталась снова зайти в Интернет с купленного мной ещё в России планшета. Просматривать последние новости было немного страшно, я все время боялась наткнуться на сообщения о преступлениях, которые, возможно, совершил Ян. Но соединение так и не установилось.

Возможно, это было к лучшему. Лишние тревоги мне не к чему.

Пик курортного сезона ещё не наступил, и вечером на море становилось ощутимо холоднее. Мало кто рисковал купаться, но, несмотря на это, на пляже было много людей.

Кто-то играл в волейбол, кто-то рыбачил, читал книгу или слушал музыку. Я опустилась на перевернутую днищем вверх лодку с намерением полюбоваться восхитительным закатом, и тут заметила чернокожего парня с дредами, которого видела утром.

Он шел с большой картонкой, на которой были прикреплены часы, и предлагал все эти Ролексы, Лакосты и Дольче Габаны отдыхающим. Некоторые покупали.

– Теп Еуго, – парень ткнул картонку мне прямо под нос.

В отличие от местных греков по-русски он совсем не говорил.

– No, thanks, – покачала я головой.

Предприимчивый торговец часами снизил цену сначала до девяти евро, а потом и до восьми, но я была непреклонна.

Афроамериканец от меня не отстал.

Похлопав по своей весёленького оранжево-зелёного цвета футболке, он сказал: «Пако». Пришлось и мне назвать своё имя. Разговаривать с ним не хотелось, но грубой быть не хотелось ещё больше.

Пако принялся что-то болтать на английском, а я с тоской думала, что он теперь долго не отвяжется. К английскому у меня были не такие способности, как к латыни, но моих скромных школьных познаний хватило на то, чтобы понять, что у Пако в Африке есть сестра моложе меня года на два.

В общем, парень что-то болтал о себе, я изредка кивала, глядя на спокойное море, в которое, точно в стакан с водой, медленно опускался лимонный диск солнца, как вдруг он бегло оглянулся по сторонам и, прикоснувшись к моей руке, тихо сказал:

– Be careful!

Покопавшись в памяти, я перевела эту фразу и похолодела.

Он советовал мне быть осторожной.

– So why? – переспросила я.

Но парень уже как ни в чем не бывало шёл дальше, размахивая своими часами.

Что это такое? Я неправильно его поняла?

Не может быть, чтобы какой-то чернокожий парень, который и по-русски то не говорит, предупреждал меня о Яне.

Или может?

Скорее всего, это какая-то странная шутка. Ян не может ворваться в мой мирок.

Не здесь.

Не сейчас.

Я всегда чувствую его приближение.

Мне начинают сниться кошмары, я задыхаюсь и путаюсь в простынях, когда сплю, а просыпаюсь в холодном поту.

Нет, Ян далеко, а Пако просто пошутил.

Даже если Ян приближается, через три дня у меня вылет в Москву. Я успею уйти, успею.

Господи, как же мне надоело бегать!

Как же мне надоело вздрагивать от каждого шороха и искать опасность даже там, где её нет. Ни на миг не могу расслабиться...

Темнеет на море быстро. Возвращаясь в почти сгустившихся сумерках в отель, я, просунув руку между прутьями, сорвала из чьего-то сада розы. Думаю, хозяева не будут слишком уж возмущены.

Флегра светилась в ночи праздничными огнями, били фонтаны, благоухали цветы, а в баре, расположенном прямо над подсвеченным зелёным бассейном, громко играла музыка.

Я заказала бокал красного вина и отправилась в свой номер, который казался оплотом теплоты и спокойствия.

Выйдя на балкон, с которого открывался потрясающий вид на море, я с ногами села в плетёное кресло и положила перед свечой, которую до этого попросила на ресепшене, две розы.

– С Днём Рождения, мамочка! – прошептала и зажгла свечу.

Вино пахло гранатом и разлилось теплом по жилам. Интересно, что было, не случись с моими родителями этой страшной трагедии?

Ян бы всё равно поселился этажом ниже, все равно в меня влюбился и стал преследовать.

Но может быть, родители смогли меня от него защитить? Или он убил их?

Не знаю... Знаю только, что ужасно скучаю по тебе, мама.

Я почти не помню, как ты умерла, психолог потом сказал, что это частичная амнезия из-за шока и когда-нибудь я вспомню тот день во всех подробностях.

Но пока я не готова, нет...

Страшные, полубезумные глаза отца...

А потом темнота.

Почувствовав, что за мной кто-то наблюдает, опустила взгляд. Садовник пристально рассматривал меня, прислонившись к дереву оливы.

Он улыбнулся и помахал – и это уже четвёртый раз за день. Я подавила в себе желание сделать некрасивый жест и натянуто улыбнулась в ответ, залпом допила вино, задула свечку и ушла в номер.

Но в глубине души была даже чуть-чуть рада, что грек испортил мой настрой и невольно прекратил поток воспоминаний.

Спать я легла пораньше: вставать нужно было в пять утра. Я оплатила сорок евро за экскурсию в монастырский комплекс Метеоры, и проспав автобус никак не могла.

Когда я только прилетела в Грецию, встречающий гид рассказал об этих монастырях и посоветовал посетить именно Метеоры, знаменитые тем, что расположены они на высоких скалах.

Красивый рассказ запал в душу, а в звучном названии почудилось что-то светлое и спасительное.

Конечно, привлекать к себе лишнее внимание и таскаться по экскурсиям не стоило... По идее, я должна была сидеть в своём отеле тихо, как мышка.

Но я чувствовала, что в Метеоры мне съездить просто необходимо.

Уснула я хорошо, и ни один кошмар мне в ту ночь не приснился. Почему-то в этом номере, в бунгало с видом на море спать было очень уютно и сладко. Проснулась по звонку будильника, быстро собрала вещи, причесалась и отправилась в главный корпус на обещанный ранний завтрак.

Отель ещё спал, и почему-то мне было здорово от осознания того, что всех его отдыхающих ждёт обычный день, а меня – поездка в самое красивое и необычное место если не в мире, то в Греции уж точно.

Дежурящая на ресепшене девушка-гречанка распахнула двери ресторана и включила первый ряд ламп.

Так как из Флегры в Метеоры ехала только я, то завтракать мне предстояло в гордом одиночестве.

Впрочем, в том, что ресторан открыли только для меня, было нечто забавное и приятное.

Я налила себе кофе со сливками, положила на тарелку сосиску из лотка, сыра и пару сладких булочек и села за самый первый стол, чего обычно себе не позволяла, выбирая самые дальние столики.

– Приятного аппетита! – мягкий тенор заставил меня поперхнуться.

Садовник, будь он неладен! И чего ему в такую рань не спится? Кажется, его зовут Прочорос...

Грек, и, не подозревая, как смешно звучит по-русски его имя, стоял, поигрывая мускулами под очень обтягивающей белой футболкой, как будто напрашиваясь на сравнение с Аполлоном.

Честно говоря, я не люблю таких вот накачанных парней с кубиками на прессе и рельефными бицепсами.

Может, я не вполне нормальна...

– Метеоры – прекрасная экскурсия, – заметил Прочорос. – Лучшая из всех, которые тут предлагают. Вы знаете, что Метеоры в переводе с греческого – «Парящие в воздухе»?

– Нет. Но звучит очень красиво.

– Ещё красивее будет, когда вы увидите монастыри. Они как будто парят на землёй, над равниной, – произнёс садовник, наливая себе кофе и присаживаясь за мой стол с твёрдым намерением поболтать.

– Не терпится увидеть, – сказала я, поднимаясь. – Мне сказали, нужно быть у входа в отель в половине шестого. Удачного дня!

– И вам, Афродита! – улыбаясь, пожелал садовник и, как будто спохватившись, хлопнул себя по лбу. – Ох, перепутал, Ева!

Автобус прибыл точно по расписанию.

Забравшись на второй этаж и заняв милое местечко у окошка, я подумала, что, наверное, стала совсем дикой.

Надо было поболтать с этим Прочоросом, может, даже пофлиртовать, он явно не против... Но делать этого совершенно не хотелось.

Не хотелось флиртовать ни с ним, ни с кем-либо другим. Что-то со мной явно было не в порядке.

Я посетила местного парикмахера, может теперь к местному психиатру сходить?

Представив себя на кушетке судорожно сжимающей клетчатый носовой платок и рассказывающей незнакомому дядечке про свои глубоко личные переживания, я хихикнула.

Возможно, просто все дело в том, что мне не нравятся греки?

Автобус постепенно заполнялся людьми, которых водитель подсаживал у отелей, расположенных на побережье. Когда туристическая группа была, наконец, укомплектована, мы доехали до Салоник. Это крупный мегаполис Греции, почти такой же по величине и значению, как и Афины.

Здесь к нам присоединился гид, который начал немного нудновато про эти самые Салоники рассказывать. Он сыпал историческими датами и разными названиями так обильно, что я совсем отвлеклась, пока впереди не показалась огромные царственные горы.

Вершины их тонули в шапке тумана.

Это был знаменитый Олимп – место обиталища греческих богов. В связи с этим гид сменил тему и принялся рассказывать про Зевса, Геру, Афины, Гермеса и перипетии их семейных отношений.

В Согинее мне безумно нравились поэмы Гомера.

В них было что-то необыкновенное, чарующее, и это не портил даже тяжеловесный слог поэм.

Удвоенный дактиль, вспомнила я, улыбнувшись.

Влад вбивал нам это в головы и даже заставлял заучивать начало «Иллиады» и «Одиссеи» наизусть.

– Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, – повторила я шёпотом. – Грозный, который ахеянам тысячи бедствий содеял страшных...

Помню.

Даже сейчас помню.

Я усмехнулась, мельком посмотрев на соседнее кресло. Сидящая в нём девушка болтала с парнем, находящимся через проход и на мою фразу внимания не обратила.

И это хорошо, потому что меня саму всегда настораживали люди, разговаривающие сами с собой.

Влад был действительно отличным преподавателем, потому как сумел по-настоящему заинтересовать мифами Древней Греции.

Ему и самому нравилась эта тема, и я вспомнила, как на одном из занятий он сказал, что мечтает побывать в Греции и увидеть своими глазами места, где рождались мифы. И вот теперь я своими глазами вижу то, что так хотел увидеть он.

Покопавшись в сумке, я достала плеер, вставила наушники и наугад выбрала песню.

Могла ли я что-то изменить?

Могла ли сделать так, чтобы Влад остался жив? Спасти его?

Единственное, что было в моих силах – не давать Гаю повода для ревности. Но я и в страшном сне не представляла, что он способен на подлое и жестокое убийство.

Я не должна винить себя, не должна...

Любила ли я Влада?

Не знаю.

Но мне горько осознавать, что его больше нет на белом свете.

Все сплелось в один клубок: мания Яна, предательство Гая, смерть Влада, а впереди у меня снова бегство, неизвестность, неприютность.

Но ведь нельзя бежать вечно, и я уже это поняла.

Только как быть, если останавливаться страшно?

Мне больше не удастся уйти от Яна, если он меня поймает, и он сделает со мной все, что хотел, все самые отвратительные и грязные вещи, которые только сможет придумать.

Принцу Миткалю невозможно противостоять.

Между тем гид объявил, что мы подъезжаем к Метеорам.

Автобус катил по долине, и никакого намёка на какие-либо возвышенности не было.

Я уже было решила, что экскурсовод что-то напутал, но за следующим поворотом показались грандиозные отвесные скалы, действительно, как будто зависшие в воздухе над равниной.

Машина остановилась у подножия одного из массивных каменных столбов, на верхушке которого виднелись песочного цвета стены и кровли мужского монастыря Святой Троицы.

Потрясающе!

Как можно было построить здание на такой высоте?

К монастырю вела выдолбленная прямо в скале тропа, и чем выше мы поднимались, тем сильнее захватывало дух от простирающейся перед глазами картины.

Глодавшая меня последние месяцы тревога отступила, и я впервые за долгое время почувствовала себя свободно и легко.

Справа и слева от скальной арки, которая являлась входом в монастырь, трепетали белые полотнища.

Я засмотрелась на них и отстала от туристической группы, которую неугомонный гид вёл все вперёд и вперёд.

Ветер полоскал ткань, и я не могла отвести от неё взгляда.

Мне не было страшно, нет, хотя последние месяцы я паранойно остерегалась любых тканей, боясь увидеть и почувствовать под пальцами миткаль, который как бы говорил, что Ян близко и готов к очередному страшному акту написанной им безумной пьесы.

Но у входа в монастырь развешаны не миткали.

Это была какая-то другая ткань, и, когда я подошла к одному из полотнищ совсем близко, она, будто сама скользнула между пальцами.

Тонкая, лёгкая, мягкая, изящная, чем-то похожая на батист, и не серовато-желтоватая, как миткаль, а снежно-белая.

Я ещё раз зачарованно провела ладонью по полотнищу, накинула на голову синий шёлковый платок и поспешила догонять свою группу, которая уже зашла в неф храма, расположенный крестом.

За небольшой деревянной дверью скрывалось помещение с очень низкими сводами и единственным двупольным окном на куполе.

Несмотря на это, неф казался наполненным каким-то ясным чистым светом. Я прикоснулась к одной из стен, думая о том, насколько она древняя и сколько всего видела на своём веку.

Камень был тёплым и шероховатым.

Через узкий проход прошли в здание храма. Ни позолоты, ни каких-либо вычурных украшений тут не было.

Только простые деревянные скамьи и печальные лики святых, взирающие с потемневших от времени фресок. Гид минут десять рассказывал об иконописцах прошлого, расписывающих эти стены, и библейских сюжетах, которые они изображали, а затем объявил, что на этом экскурсионная часть окончена и ровно через сорок минут туристическая группа должна собраться у автобуса на подножье скалы.

Наша группа разбрелась, кто куда.

Я подошла к коробочке со свечками и с удивлением обнаружила, что их можно брать бесплатно.

Свечки взяла три, их можно было зажечь от большой коричневой свечи, стоявшей тут же. Воск сразу нагрелся и потёк в моих пальцах маленькими горячими каплями, похожими на слёзы.

Одну свечу я поставила за упокой матери, которую почти не помнила. Вторую – за всех замученных и убитых Яном.

А третью – за Влада.

Влад, о, Влад, мне так жаль, что я даже не попрощалась с тобой, не подарила тебе последний поцелуй...

Но мне пора забыть о тебе, пора оставить для горьких воспоминаний лишь маленький уголок в своём сердце. Ты любил меня, я знаю, но лучше бы мне с тобой не встречаться.

Я не буду больше винить себя в твоей смерти, я тебя отпускаю.

Прости, Влад, и прощай...

Я открыла глаза, ещё раз взглянула на печально склонившего голову Христа на распятии, и пошла к высокой арке, которая вела во внутренний дворик. Внезапно навстречу резкодохнуло холодом, так, что я даже зажмурилась. Обернувшись на горящие у кануна свечи, увидела, что свечка, которую я поставила за Влада, потухла.

Я зажгла ее вновь, но свеча начала трещать и коптить чем-то чёрным.

Я не знала, что и подумать, но потом свечка разгорелась, и пламя стало ясным и ровным. Смешно было бы искать в этом какие-то тайные знаки. Чудес не бывает.

Прощай, Влад.

Небольшой квадратный дворик храма был усажен цветами.

Полюбовавшись необыкновенно яркими жёлтыми рододендронами, синими примулами, и алой геранью, по узкой лестнице я поднялась на смотровую площадку.

Она не была ничем огорожена: огромные валуны лежали друг на друге, на них запросто можно было забраться, если, конечно, не бояться высоты в восемьсот метров над уровнем моря.

Туристы не боялись, фотографируясь на фоне гор в разных позах.

Отсюда открывался такой потрясающий и величественный вид на Фессалийскую равнину, что сердце замерло.

Я забыла обо всем: об Яне, Гае, Владе, о том, что я, вообще-то, нахожусь в бегах, и приезжать сюда мне не стоило.

Стоило!

Ради того, что я видела перед собой сейчас, однозначно стоило.

Внезапно налетевший сильный порыв сухого тёплого ветра подхватил мой шарф и сдернул его с головы.

Я хотела сделать шаг вперёд, чтобы ухватить шёлковый кончик, но тут до меня дошло, что впереди простирается пропасть в тридцать этажей и пытаться поймать шарфик – не лучшая мысль.

Тем более, что он синим пятном плавно парил над равниной, уносимый ветром все дальше и дальше.

Но странное дело, здесь было так хорошо, что шарфика совсем не жаль.

Думая, что в запасе у меня ещё много времени, я посмотрела на часы и ахнула: до отправления автобуса оставалось двенадцать минут.

На смотровой площадке уже фотографировались туристы из другой группы. Я спрыгнула с валуна и поспешила к выходу, хотя покидать монастырь не хотелось.

Автобус без меня, конечно, не уедет, но заставлять всех ждать невежливо. Быстрым шагом я пересекла двор, но когда зашла в неф, дорогу мне преградили два греческих священника.

Один из них совсем молод и с непокрытой головой, второй – старец в клобуке.

У него была длинная седая борода и пронзительные глаза черного цвета в окружении сетки морщин.

Я опустила ресницы и замедлила шаг, стремясь тихо пройти мимо, почувствовав, что поведу себя вызывающе, если буду двигаться с прежней торопливостью.

Но взгляд чёрных глаз старца преследовал меня и я остановилась. Он протянул руку, и я догадалась, что нужно поцеловать мозолистую кисть.

Старец сказал что-то по-гречески хриплым голосом. Вышло это зловеще, будто он произнёс мне приговор или обвинил в страшных злодеяниях.

– Я не понимаю, – в рассеянности произнесла я, забыв даже английский.

И тогда священник замолчал, пристально разглядывая меня, а потом произнёс только одно слово:

– Перкаль.

ГЛАВА 2

Актриса

На следующее утро погода изменилась.

Солнце светило уже не так ярко, дул прохладный ветер, а с запада шли огромные и тёмные тучи.

На море надвигался шторм, но я решила, что успею искупаться до того, как он начнётся.

Наскоро позавтракав кофе, абрикосовым йогуртом и бутербродом с сыром, я поспешила на пляж.

Несмотря на приближающийся шторм, было довольно многолюдно: наверное, все, как и я, спешили использовать последнюю возможность перед вылетом домой окунуться в море.

Лежак, на котором я загорала в прошлый раз, так и стоял в отдалении от остальных...

Направилась к нему.

Море было беспокойным, его цвет изменился с аквамарина на глубокий тёмно-синий.

Большие волны с гребнями пены, грохоча, накатывались на песок. В такой воде я ещё не плавала, но мне неожиданно понравилось кататься на этих огромных волнах. Правда, отдаляться от берега не рискнула, не говоря уже о том, чтобы плыть до буйков.

Пару раз не успела поймать волну, и солёная вода накрыла меня, на несколько секунд полностью лишила ориентации, заполнила рот и нос, намочила убранные в пучок волосы.

Но все равно это было весело, хоть и самую чуточку страшно.

Выбравшись из воды, содрала резинку со съехавшей набок причёски и легла на полотенце, прикидывая, успею ли я ещё разок окунуться, или riskовать все же не стоит.

Волны становились все выше и яростнее.

Тут мой взгляд случайно упал на то место, где я складывала своё имя, но вместо него кто-то, не пожалев времени, тщательно выложил из камней неприличную картинку: пухлые женские губы, а рядом с ними головка члена. Неизвестный художник не поленился приставить к члену два камушка, которые должны были изображать капли спермы, вытекающие из него.

Я смешала камни, сгребла их в горсть и швырнула в море.

Я не была такой уж невинной добродетельной девой, краснеющей при одном намёке на упоминание мужских половых органов, и всё же мне стало неприятно.

Придурок!

Усевшись на шезлонге по-турецки, я глядела в морскую даль, а в мыслях была не глупая картинка, а слово, которое произнёс греческий священник.

Перкаль.

Я думала о нём всю обратную дорогу до отеля.

Странное слово, резкое, но в то же время певучее, сонорное.

Явно греческое, но как мне узнать его перевод?

Когда я приехала, то первым делом кинулась к планшету, чтобы забить «перкаль» в поисковик, но как сети не было, так она и не появилась.

Не поленившись, пошла искать вай-фай в главный корпус Флегры, но Интернета не было и там.

Может, я зря огород горожу, и «перкаль» по-гречески что-то вроде напутствия, благословения?

Задумавшись, я и не заметила, как тёмная громада туч закрыла солнце. Работники пляжа собирали зонтики и шезлонги, укутывали брезентом стойку бара.

О том, чтобы ещё раз зайти в море не было и речи: волны стали просто огромными, дул пронизывающий ветер, в воздухе явственно ощущался запах озона.

Я натянула на себя сарафан, быстро собрала вещи и пошла с пляжа прочь. Остановилась лишь на пару минут, прежде чем свернуть к тропке, ведущей в отель. Было что-то притягательное в надвигающейся грозе, в готовой вот-вот разыграться стихии.

Шторм сметает на своём пути все, но после него солнце светит ярче.

Первые капли застали меня у ступенек своего бунгало. Ливануло сразу и сильно, так, что я промокла секунды за три.

Дождь тяжело застучал по огромным листьям бананового дерева, растущего прямо у лестницы.

Я, не глядя, сунула пластиковую карточку-ключ в замок и вбежала в номер, захлопнув за собой дверь.

Все мои мысли сейчас были о душе и тёплом одеяле.

А ещё можно будет сходить в главный корпус за тёплым молоком и имбирными печеньками, и включить на планшете какой-нибудь сериальчик

Кайф!

– Привет, солнышко, – услышала я до боли знакомый голос и в ужасе отступила назад. – Соскучилась?

На море уже вовсю бушевал шторм, ветер рвал кроны пальм, дождь яростно стучал в балконную дверь, а на моей двуспальной кровати с довольным видом сидел Гай.

И хотя он назвал меня ласковым словом, в этом обращении явственно послышалась издёвка.

В отличие от меня, на которой не было ни единой сухой нитки, и которая сейчас больше всего была похожа на мокрую курицу, выглядел Гай, как всегда ухоженным, даже холёным.

Дорогой темный костюм с иголки, начищенные до блеска ботинки, темно-синяя рубашка... Этот цвет ему очень шёл.

Я почувствовала себя беззащитной и очень наивной.

Этот человек всегда получает свое, и дура я, что думала обхитрить его.

– Нет, – прошептала я, делая ещё один шаг назад. – Нет, ты... он... Ян здесь... Господи, как вы меня нашли?

– Я больше не служу ему, Ева, – произнёс Гай примирительным тоном, рассматривая меня с головы до пят. – Давай поговорим спокойно, хорошо?

Я чувствовала, как меня колотит – то ли от холода, то ли от страха.

Мокрая ткань сарафана облепила, как вторая кожа, и я скрестила руки на груди, надеясь, что он не заметит торчащие соски.

– Можешь оказать любезность и не смотреть так? – выдохнула зло. – Очередную сказку хочешь рассказать? Не трать время на ее придумывание. Ты с самого начала все знал и вёл двойную игру. Господи, ты... ты служил этому нелюдю! Он убивал людей, а ты служил ему! Ты сам стал убийцей! Твой сбрендивший хозяин велел найти меня и привезти обратно? Ну, давай, выполняй приказ! Знаешь, он хотел обмазать меня и себя мёдом и совокупляться до потери пульса... Будешь наблюдать со стороны? А может, присоединишься? Мразь ты конченная, вот кто!

Выдохшись, я запнулась.

Мне много ещё хотелось сказать о том, каким неожиданным и сильным ножом в спину обернулось его предательство, обругать его самыми последними словами, но я молчала, тяжело дыша.

К горлу подступил ком, и я чувствовала, что сейчас разрыдаюсь. Только этого не хватает!

Я уже не маленькая и плакать на его плече не собираюсь.

Но Гай и сейчас не изменил себе и выглядел так, как будто я дурная истеричка, а он человек, который прав абсолютно во всем.

Ни душевных волнений, ни тем более хоть каких-то признаков стыда на его лице не отразилось.

– Да, я предатель, подлец, и вообще последняя сволочь, – кивнул Гай практически без эмоций, просто констатируя факт. – Я служил ему и это правда, но я бы никогда в жизни не отдал этому больному ублюдку тебя. И ещё – Влада я этого малахольного не убивал. В отличие от Яна, я пока, вроде, не сбрендил.

Не убивал? Господи, а что если Гай говорит правду и Влад жив?

Лишь эта мысль промелькнула в голове, я поняла, что дело дрянь.

Конечно же, сейчас я поверю своему вечному спасителю Гаю, мы обнимемся, и будем вместе рыдать над тем, как несправедливо нас разлучили обстоятельства.

Нет уж!

Я не хочу больше обманываться, выступая в роли глупенькой девочки, верящей всему, что говорит сильный и умный мужчина.

– Бесплезно, Гай. Можешь рассказывать что угодно, я тебе не поверю. Ты убийца, и мы по разные стороны баррикад.

– Баррикады... – с мрачной усмешкой повторил Гай, поднявшись и подойдя к окну. – Слова какие красивые. А знаешь, что я скажу тебе, ненаглядная Ева? Мы с тобой сейчас не на баррикаде, мы загнаны в угол. Ян прямо-таки жаждет добраться до тебя. Я у него на втором, правда, месте, но, тем не менее, я его предал и бросил. Думаю, он уже приготовил мне весёленький конец, что-то в духе кровавого орла... Слышала о такой казни?

– Не слышала, но какой бы она не была мучительной, ты это заслужил, – жёстко перебила я. – Знаешь, я могу допустить, что ты больше не с ним, и сам от него скрываешься. Но зачем ты нашел меня? Неужели непонятно, что я не желаю иметь с тобой ничего общего? Ты мне омерзителен!

– Значит, хочешь чтобы я умер в муках? Ладно, Ева, не трать время, – поморщившись, перебил Гай. – Ты меня ненавидишь и никогда не простишь, я понял... Но против этого ты ничего поделать не можешь. Он уже близко. Он в Греции. И, слава богу, что я нашел тебя раньше него.

Гай кивнул на свежую греческую газету, лежащую на кресле.

– Я не понимаю по-гречески, – произнесла я растерянно.

– Да и не надо знать язык, – словно поражаясь моей беспросветной глупости, вздохнул он. – На фотографию посмотри!

Фото было крупным, во всю первую полосу, но довольно плохого качества, отчего сразу возникло ощущение достоверности.

– Русская туристка была найдена задушенной в своём номере, – произнёс Гай негромко, не отрывая взгляда от хлещущего по стеклу дождя.

На черно-белом снимке изображена девушка, тело которой было перетянута какими-то шнурами. Фото заретушировали, но видно, что она лежала на постели совершенно голой, и ее полная грудь попала в объектив папарацци.

– Купальник, – подсказал Гай, будто в ответ на мой немой вопрос. – Эластичная ткань купальника перетянула тело и настолько сильно сжала органы, что они чуть ли не полезли через ее глотку наружу. Ничего не напоминает почерк, нет?

Я опустилась на постель, отшвырнув от себя газету и изо всех сил сжав пальцами виски.

Мне было безумно жаль неизвестную девушку.

Мне было страшно. Мне было хлипко и скверно.

– Будь ты проклят, Гай Келлер, без тебя Ян бы никогда не стал тем, кто он есть сейчас, – прошептала я. – Как ты вообще, черт бы тебя побрал, попал в мой номер?

Это уже было совершенно неважно, но я спросила.

Спросила просто, чтобы не думать о том, что Ян, может быть, именно сейчас смотрит на бунгало, в котором располагается этот номер.

– Подкупил горничную, – охотно сообщил Гай. – Сказал, что ты моя любовница, я приехал неожиданно и хочу устроить тебе сюрприз. Она мне даже лепестки роз хотела дать для долгожданного свидания, представляешь?

– Я сейчас позвоню на ресепшен, и тебя отсюда вышвырнут вместе с этой горничной, – я прервала его, быстро двинувшись к телефону.

– Стоп... – Гай цепко поймал меня за локоть. – Мы сделаем немного по-другому. Ты соберёшь вещи и выпишешься из отеля, после чего мы с тобой полетим в одно хорошее и по-настоящему укромное место, чтобы спокойно решить, что делать с Яном. Я вообще, честно говоря, поражён твоей наивностью. Я думал, ты улетила в Австралию, или хотя бы в Америку, денег хватило, а ты... С таким же успехом могла остаться в городе.

Его пальцы сжимали мою руку, он был близко, слишком близко...

Такой уверенный, сильный, умный...

Какое-то время смотрел на меня сверху вниз, а потом разжал пальцы.

– Ева... – произнёс негромко и зачарованно. – Ева, как же я скучал...

– Да, Гай, ты прав, – опустила я глаза. – Я не умею скрываться. Возможно, ты сможешь спрятать меня лучше, чем я сама. Я только подсушу волосы.

Я резко отпрянула и скрылась в ванной.

Оливковый кафель. Кровавые разводы. Кружится голова.

Я облокотилась на раковину, глядя на своё бледное и растерянное отражение.

– Гай! – истерически крикнула что есть мочи. – Гай, он здесь!

Едва только Гай шагнул в ванную, я толкнула его вперед, выскочила наружу, и хлопнула дверью, заперев ее. Он не сможет открыть изнутри.

Чуть-чуть постояла, отдышавшись, и твердым шагом подошла к прикроватной тумбочке.

– В двести первый номер проник какой-то незнакомец! – сказала я, набрав номер ресепшена Флегры. – Вызовете охрану, полицию! Пожалуйста!

– Деспенис, вы уверены? Может, вы сами впустили этого человека?

– Вы меня слышали? – гаркнула я. – Посторонний находился в моём номере, когда я пришла с моря. Может, это вор, а, может, кто похуже. Я заперла его в ванной. Поторопитесь, пожалуйста!

– О! – наконец-то серьёзность моего заявления дошла до тугодумного работника ресепшена. – Охрана уже направляется к вам! – и он отключился.

Все время до прибытия охранников и полиции я не рисковала приближаться к ванной, боясь, что Гай что-нибудь скажет мне из-за двери, и я отопру ее. Ведь он умеет убеждать, очень хорошо умеет...

Вылезти в окошко Гай не сможет, оно прямо-таки крошечное, и теперь, со злорадством подумала я, у него будут большие проблемы.

Он привык к безнаказанности и вседозволенности, надеюсь, хоть что-то способно сбить с него спесь.

К чести местных работников правопорядка они прибыли очень быстро, минут через десять после моего звонка, и это несмотря на бушующий на улице ураган. Выглядели очень внушительно, этакие бравые полицейские с пистолетами и дубинками наперевес.

А если брать во внимание сопровождающий полицейских почти полный состав сотрудников охраны отеля, то отряд для моего спасения был организован нештучный.

Это вселяло надежду, и в целом было славно.

Гай сидел на бортике ванной, выглядел совершенно хладнокровным и, как всегда, немного мрачным. Увидев новоприбывших людей, он слегка поморщился, только и всего.

– Ева, зачем ты подняла всех на уши? – по-русски произнёс он с досадой. – Они не спасут тебя от Яна.

– Откуда вы знаете моё имя? – округлила глаза я.

Гай выгнул бровь и покрутил пальцем у виска.

Прислушивающийся к нашему диалогу полицейский переводчик ещё раз спросил, знаю ли я этого человека.

Я, конечно, ответила, что нет. Починяясь требованиям полиции, Гай спокойно завел руки за голову, дал себя обыскать.

Ничего запрещенного вроде ножа, пистолета или пакетика с кокаином у него, к сожалению, не обнаружилось, но служители закона все равно, к моему облегчению, объявили, что он задержан и его повезут в участок.

– Я знаю, что мы расстались не на самой хорошей ноте и у тебя есть причины не доверять мне, но ты совершила большую ошибку, Ева, – сказал Гай напоследок. – Уезжай из этого отеля немедленно! Сегодня вечером он будет здесь. Я найду тебя, как только смогу.

Едва за всеми закрылась дверь, я заметалась по номеру.

Он уже не казался мне тёплым и безопасным.

Позвонив на ресепшен, предупредила, что недовольна случившимся инцидентом и хочу немедленно съехать из Флегры.

Я и без предупреждения Гая собиралась бежать отсюда подальше.

Газета со страшной фоткой постоянно попадалась мне на глаза, и я пихнула ее под кровать.

Только сейчас до меня дошло, что ожидая в номере, Гай имел великолепную возможность полюбоваться моим нижним бельём и предметами гардероба, раскиданным по кровати, тумбочке и креслу.

Дело в том, что разленившись здесь после дядюшкиной муштры, я легкомысленно не утруждала себя серьёзной уборкой.

Ладно, надеюсь, Гай все-таки не из извращенцев-фетишистов, да и вещи вроде бы лежали в таком положении, в каком я их оставила. Вернее, раскидала.

Я прямо-таки по-военному быстро вымыла и высушила волосы, переделалась, собрала свой небольшой красный чемоданчик с откидной ручкой и дамскую сумку, в которую положила все самое необходимое: документы, наличные, планшет, влажные салфетки и маленькую бутылочку воды из местного бара. Дождь начал стихать, шторм шёл на убыль, только вот зонта у меня, к сожалению не было.

На ресепшене передо мной долго и иступленно извинялись за случившееся и обещали установить, почему в номер проник посторонний.

Горничную, получившую от Гая взятку, наверняка найдут и уволят. И поделом! Хотя, пожалуй, она думала как лучше.

Гай всегда производит на людей положительное впечатление.

Ну и деньги, понятно, свою роль сыграли.

Я вышла из дверей отеля и направилась к автобусной остановке. Слава богу, дождь уже почти прекратился – капало едва-едва. Так что обойдемся без зонта!

План простой: уехать в Салоники и переждать там в каком-нибудь на этот раз крупном отеле до вылета в Москву, который состоится послезавтра рано-рано утром.

– Как жаль, что вы покинули наш гостеприимный отель, прекрасная Ева! – услышала бархатный тенор Прочороса.

Садовник стоял на остановке неподалёку от меня и тоже, кажется, ждал автобус.

– Ну, вы, наверное, уже знаете, что произошло. После этого как-то неприятно оставаться...

– Понимаю, понимаю, – кивнул грек. – Нехороший случай, но виновные будут наказаны, поверьте, деспенис!

– Верю.

Колесо запущено, и я снова в бегах.

– Может, вы подскажите в Салониках какой-нибудь комфортный и тихий отель? – решилась спросить.

Если бы был Интернет, я хоть выбрать смогла, а так я находилась в совершенно подвешенном состоянии.

Не водителя же спрашивать!

– О, с огромным удовольствием! – обрадовался парень. – Вот кстати, и наш автобус. Я тоже направляюсь в Салоники.

– А как же ваша работа?

– Во Флегру как раз приехал... как это по-русски... парень за меня работает, – ответил Прочорос с лёгкой заминкой. – А у меня в Салониках есть ещё одна работа. Интересная! Я творец.

Надо было из вежливости спросить, чего он там творит, но я не стала.

Сейчас вообще не до этого.

Небольшой комфортабельный микроавтобус плавно подкатил к остановке. Дверь отъехала, и я забралась вовнутрь. Водитель на мгновение показался смутно знакомым, но потом я решила, что все греки старше тридцати, в принципе, на одно лицо.

Прочорос порадовал тем, что сел не рядом со мной, а на другое свободное сиденье, и с разговорами не лез. Я вставила наушники и прислонилась лбом к прохладному стеклу.

По правде, мне ужасно нравится сидеть вот так в автобусе, смотреть в окно и слушать музыку.

Будь моя воля, я бы ехала бесконечно.

Смеркалось, но отмытое дождём побережье жило своей жизнью: светились витрины магазинов, народ наводнил кафешки, в ночных клубах играла музыка.

Мне же почему-то ужасно захотелось спать, и я с трудом продирала слипающиеся глаза. Даже плеер пришлось выключить: любимая музыка почему-то действовала усыпляюще.

Закинув наушники в сумку, обратила внимание, что в автобусе как-то уж очень тихо.

Выглянув из-за кресел, поняла, что салон пуст, только Прочорос о чем-то негромко разговаривает с водителем.

– Я сказал название отеля, куда вас отвезти, Ева, – грек показался в проходе, белозубо улыбаясь. – Мы сейчас направляемся туда. Волноваться нечего.

Но я уже физически чувствовала неладное.

– По-моему, мы едем не в отель.

Мы проехали многолюдные и светлые кварталы Салоник с магазинами и барами, и теперь микроавтобус катился по каким-то трущобам: бесконечные коричневые многоэтажки, разбитые фонари, пустынные улицы, заваленные горами мусора.

Господи, во что я опять умудрилась вляпаться?

Это мне так не везёт, или я просто непроходимая дура?

– Остановите, пожалуйста! – воскликнула я, обращаясь к водителю и стараясь не смотреть на садовника. – Вы слышите?

– Нам осталось ещё мало, – галантно улыбнулся Прочорос. – Почти приехали, о, великолепная Афродита! Самый прекрасный отель скоро распахнёт вам двери.

Как и следовало ожидать, автобус остановился перед какой-то обшарпанной шестизэтажной, даже отдалённо не напоминающей гостиницу, на окраине Салоник.

– Я не буду выходить, – глядя прямо перед собой, сказала я. – Зря вы меня сюда привезли. Но ещё не поздно все вернуть, отвезти меня в центр города и высадить там.

В ответ на это Прочорос, все так же улыбаясь в тридцать три зуба, сцапал меня повыше локтя и насильно выволок из автобуса.

Хватка у грека, надо сказать, была железная. За всем этим, посмеиваясь, наблюдал водитель, и я вдруг вспомнила, где его видела.

На пляже неподалёку от Флегры, он был в компании греков, пивших пиво и глазеющих на молодых туристов.

Be careful, сказал мне чернокожий парень.

После Метеор я совсем забыла о его предупреждении.

И зря. Как я могла упустить из внимания, что в мире существуют другие опасности, кроме Яна?

– Милая маленькая деспенис, Афродита, я только увидел тебя – сразу понял, что ты очень мне необходима, – жарко шептал мне в ухо грек, волоча по каким-то грязным серым коридорам. – Молодая деспенис приехала совсем одна. Где ее родители, родственники, подруги? Ведь ты одна, деспенис, совсем одинокая, я угадал? У тебя нет никого в твоей заснеженной далёкой России? Никто не будет искать тебя, если не вернёшься домой, это так?

Я брыкалась, пыталась вырваться, но Прочорос явно не зря ходил в качалку и мог справиться со мной одной левой.

В отчаянии я попыталась укусить его за руку, но грек только засмеялся.

– Какая горячая маленькая деспенис! Я... как это... я профи, я не ошибся... Невинная и сексапильная. В тебе есть секс, ты прямо расточаешь сексом, хоть и сама это не видишь. Чудесный маленький бриллиант! Я наблюдал за тобой. Ты с сексом ходишь, с сексом поправляешь волосы, с сексом пьёшь кофе и ешь сладкие булочки. Ты выбираешь скромные нежные платья, но даже они не могут убрать твой красный цвет. О, миленькая деспенис, ты станешь моей героиней. Я же не ремесленник, я художник, деспенис... Ты будешь моей музой, моей актрисой, богиней. Каждый творец мечтает! Помню, как сначала тебя увидел. Ты подошла к ресепшену, волоча свой красный чемодан. Белое платье, на шляпе лента, и эти роскошные волосы, шик! У меня возникла идея, сюжет. О да, я очень долго ждал такую одинокую русскую куколку, как ты. Ведь русские очень выносливы, это правда, что о вас говорят?

Господи, я каждый раз ругаю себя за глупость, но, наверное, горбатого только могила исправит!

Я бежала от Яна, из далекого Белого Лога, я хотела чуть-чуть солнца, моря и свободы, хотела забыть все неприятное, что со мной произошло, а в итоге опять попала в какое-то гадкое положение.

Что этот грек болтает?

Что он хочет со мной сделать?

Явно ничего хорошего, пессимистично подсказал внутренний голос.

Почему, черт побери, почему эти мужчины так до меня докопались? Я хотела спокойно жить и никого не трогать. Тогда почему я каждый раз упорно оказываюсь в роли жертвы?

Видит бог, мне надоела эта роль!

Прочорос тем временем подтащил меня к одной из квартир, и втолкнул внутрь. За коричневой ничем не примечательной дверью оказалась большая хорошо освещённая кухня, обставленная по последнему слову техники. Красный и белый были основными в ее колере.

От ярких цветов даже глаза заболели, словно подпитывая мою внутреннюю тревогу. Я пыталась отдышаться и хоть чуть-чуть собраться с мыслями, но мой взгляд затравленно метался по комнате.

Гарнитур с огромными алыми маками, большой обеденный стол, накрытый скатертью в красно-белую клеточку, расставленная по кухне какая-то аппаратура, осветители, камера, фотоаппарат на треноге и... большой белый кожаный диван, на котором сидел мой недавний знакомый с пляжа Демитрос.

– О! – при виде меня радостно воскликнул грек и на своём языке что-то сказал Прочоросу.

Вошедший вслед за нами водитель микроавтобуса тут же подскочил к аппаратуре, начал проверять её, что-то там подкручивать, выключать и включать осветители... Греки по-деловому переговаривались между собой, улыбались, хихикали.

– Умудрённый опытом восточный мужчина сильно берёт прелестную юную европейскую деспенис, – по-русски, видимо, специально для меня, проговорил Прочорос. – Этот ролик станет... профи работой, так! Тысячи просмотров, тысячи евро. Потом мы снимем с тобой другие, и групповое снимем, и лесби, и, может даже, что-то... о, любовь с веровольфом! Тебя, чудесная деспенис, отрахает мой ротвейлер... Но этот первый ролик! Он будет моей визитной карточкой, чувственным бестселлером... Изнасилования сейчас на гребне моды. Миллионы мужчин возбуждятся, увидев, как ты сопротивляешься Демитросу. Сильный Зевс и непослушная Европа! Ты ведь будешь сопротивляться, маленькая деспенис? Я же не ошибся в тебе?

И он вразвалку направился к одной из камер.

Я слотнула, пытаюсь осмыслить сказанное греком.

Меня изнасилюют, во всех подробностях снимут это на видео, после чего скинут это видео в Интернет.

Из огня да в полымя!

Самое страшное, что на сей раз у меня действительно нет шансов.

Ни одного. Гай не придёт на выручку, ведь я собственными руками сдала его греческой полиции и сейчас с ним разбираются в участке.

Господи, ведь он увидит порно видео со мной в главной роли...

Я знаю, что будет тогда. Он забудет про свою любовь, и никогда больше пальцем ко мне не прикоснётся. Никто не прикоснётся. Я буду навсегда запятнана, опорочена, и ни с одним мужчиной не смогу иметь нормальных отношений...

Я буду уже не я. Нет, нет, я просто не перенесу, если этот грек совершит надо мной насилие!

Демитрос деланно красивым жестом на камеру расстегнул рубаху, обнажив поросшую седыми волосами грудь, и направился ко мне. На ходу он стащил и брюки, и мой взгляд уперся в его эрегированный член, которым он с гордостью помахивал, выставляя его на всеобщее обозрение и наслаждаясь моим ужасом.

Это просто кошмар какой-то.

Мало того, что половой орган грека был просто огромным, как у племенного жеребца, так он ещё зачем-то вделал в свой член три шипа из медицинской стали. Острые кусочки металла, поблёскивая, опасно торчали сквозь его разбухшую плоть.

Святые из трущоб, да он просто-напросто порвёт меня своим членом-страшилищем! Противный, старый, потный, да к тому же ещё на всю голову извращенец!

Не станет нормальный человек вытворять с собой то, что сделал этот грек.

Уж лучше Гай-убийца, Гай-предатель, чем этот мразотный Демитрос!

Ненавижу себя за такую мысль, зато она правдива.

Гай, где ты Гай?

Далеко.

Ты обязательно найдёшь меня, но будет уже поздно.

В отчаянии я бросилась к выходу, понимая, насколько безнадёжна эта попытка.

Прочорос отлип от камеры и поймал меня за край юбки. Мятно-зелёная ткань треснула, грек отбросил оторвавшийся подол и схватил меня за талию.

Я брыкалась, царапалась, рвалась, кусалась, за что и получила от Прочороса по уху, звывала, и затихла, оглушенная болью.

– Русская сучка, ты сделаешь это видео по-настоящему горячим, – восхищённо воскликнул грек. – Можешь сопротивляться сильнее? Давай-давай, покажи класс!

Он швырнул меня на диван и снова вернулся к камере. Голый Демитрос со своим отвратительным шипастым членом навис надо мной, раздвинул коленом мои судорожно сведённые ноги и принялся слюняво целовать мне шею.

От него пахло чесноком, острым перцем и дешевыми сигаретами.

Все, это неизбежно. Сейчас он вгонит в меня свой член, сделает мне больно, унизит, втопчет в грязь. Как же я ненавижу сволочей, которые насилуют женщин!

А эти ещё и снимают, собираясь продавать видео!

Запрокинув голову, я увидела объектив камеры, которая крупным планом снимала происходящее... и встретилась со взглядом Прочороса. В нем было столько упоения, сладострастного удовольствия и предвкушения, что был у меня в ту минуту пистолет, я стреляла ему в голову до тех пор, пока она бы не превратилась в кровавое месиво.

Грек улыбнулся до ушей и сунул камеру мне прямо в лицо.

– Этот ненавидящий взгляд... Великолепно! Потрясающе!

Демитрос разорвал на мне трусики и навалился всей своей тушей сверху.

Сейчас это произойдёт.

Господи, помоги мне!

Я не хочу, не хочу, не хочу...

Слёзы навернулись на глаза, и вдруг передо мной затрепетали на ласковом ветерке белые чистые полотнища, развешанные перед входом в монастырь Метеор. Я гладила мягкую ткань, и она двигалась под ладонью, как живая.

И тогда из отчаяния, страха, полной безнадёги шёпотом пришло это слово.

– Перкаль, – выдохнула я не своим голосом и повторила громче, увереннее, будто звала кого-то забытого, но хорошо знакомого когда-то, – Перкаль!

ГЛАВА 3

Маяк

Прочорос нахмурился и сделал Демитросу нетерпеливый жест, означающий «Не медли, ну, чего ты застыл?».

Но грек с шипастым членом не обратил на порнографа никакого внимания. Его глаза сошлись на переносице, предавая ему вид отталкивающий и комичный.

В глотке у Демитроса что-то забурлило и он, нагнувшись прямо надо мной, выплюнул какой-то склизкий белый комок.

Я успела отклониться, но часть этой гадости все же попала мне на щеку. Пока Демитрос и Прочорос с удивлением рассматривал пятно на обивке, я рыбкай соскользнула с дивана на пол и отползла подальше, потирая щеку.

На пальцах осталось что-то вязкое и очень липкое.

Я с омерзением вытерла пальцы об ковёр.

Не успел никто опомниться, как изо рта Демитроса полезло гелеобразное вещество, стекая по его голому туловищу на кожу дивана.

Он попытался вскочить, но не тут-то было! Член грека, густо политый этой слизью, прилип к обивке.

Он рванулся, но отклеить свой драгоценный орган не удалось, и Демитрос завизжал тоненько и чрезвычайно пронзительно.

Прочорос, с очумелым видом наблюдающий за муками своего главного актёра, опомнившись, бросился на выручку, но едва он подскочил к товарищу ближе, его самого вырвало.

Упав на колени, порнограф закашлялся, исторгая из себя клейкие желеобразные массы. Ему явно сейчас было не до съёмок своего самого главного порнофильма.

За всем этим с нескрываемым ужасом наблюдал водитель микроавтобуса. Наладив аппаратуру, он уютненько присел в уголок с баночкой пива, расстёгнутыми штанами и явным намерением подрочить на изнасилование, которое должно было произойти.

Я поймала его взгляд, опасаясь, что он кинется ко мне и попытается связать, запереть, в общем, не дать уйти.

Но вжавшийся в стул грек только воскликнул:

– Магиса! Магиса!

На помощь своим барахтающимся в клейкой слизи дружкам он совсем не спешил.

Вообще, происходящее в этой комнате больше всего напоминало клип группы «Танцы Минус» на песню «Диктофоны», с той разницей, что было в миллион раз отвратнее и гаже.

Прежде чем сбежать, я сделала две вещи: расшвыряла дорогую видеоаппаратуру и треснула айпадом, в котором Прочорос наверняка хранил свои порно ролики, по стене, разбив его вдребезги.

Потом схватила свою сумочку, по счастью валявшуюся тут же, и выскочила за дверь.

Очертя голову, я бежала как можно дальше от этой проклятой порно студии. Не знаю, что там произошло...

Что за вещество полезло из греков и почему... возможно, они чем-то больны, какая-то эпидемия, может, заразилась и я?

Или... или это Ян?

Мысли вихрем проносились в моей бедной голове, бешено стучало сердце и подкашивались ноги, так, что я пару раз чуть не навернулась со ступенек.

Неужели это Ян помог мне? Неужели он так близко?

Нет, прошелестел внутренний голос.

Ян бы не стал помогать. Он сейчас не здесь.

Миткаля не было в той кухне.

Была я и трое порнографических ублюдков.

И ещё перкаль.

Или я его сама себе придумала?

Нужно успокоиться!

Я чуть-чуть сбавила темп, восстанавливая дыхание. Мне даже удалось выхватить из сумочки зеркальце, салфетки, и на ходу немного привести себя в порядок. Жаль, что затравленное выражение салфетки стереть с лица не могли.

Сейчас главное – обратиться из этого дурного квартала, не нарвавшись ещё на какие-нибудь неприятности. Потом нужно найти большой отель и снять номер на сутки. Принять очень горячий душ и, может быть, даже заказать в номер чего-нибудь крепкого, коньяка или виски.

Только тогда смогу выдохнуть. Меня ждала поистине страшная участь, но, главное, я сумела ее избежать.

Светало.

Небо окрасилось сначала в нежно-сиреневый, а затем в лазурный цвет.

Я буквально валилась с ног от усталости, от всего пережитого этой ночью, и все-таки старалась взять себя в руки. Квартал это явно неблагополучный, и выгляжу я не лучшим образом: юбка разорвана, а блузка вся в грязных пятнах.

Сейчас я лёгкая мишень для каких-нибудь приставал, горячих греческих парней с дурными намерениями. И все же, надеюсь, утром вероятность встретить их небольшая.

Поблуждав среди серых многоэтажек, я, наконец, вышла к автобусной остановке, на которой увидела двух вполне приличных женщин лет по тридцать пять, оживлённо о чём-то разговаривающих по-гречески. Одна из них курила сигарету. На меня они не обратили никакого внимания, я же инстинктивно постаралась встать поближе к ним.

Минут через двадцать подъехал большой автобус.

Я поднялась по ступенькам вслед за женщинами, заплатила водителю за проезд, прошла в самый конец салона.

Облегчённо заняла свободное место и попыталась сумкой прикрыть рваную юбку.

Впрочем, никто на меня особо не смотрел, и это было просто отлично.

Мне было не по себе: я совершенно одна в чужом огромном городе, и абсолютно не знаю, куда идёт этот автобус.

Может, вообще в какой-нибудь район похуже этого...

Но бесконечные безликие дома за окном постепенно сменялись красивыми историческими зданиями, большими магазинами, открытыми площадями с фонтанами.

Салоники были светлы, белокаменны и просто восхитительны, не зря этот город, как говорил экскурсовод, называют «Невестой севера». И хотя сейчас мне было совсем не до городских красот, я жадно разглядывала виды, которые мелькали за окном.

Автобус привез меня в самый центр города, на площадь Аристотеля.

Я с благодарностью вспомнила рекламный проспект, который прочитала в самолёте от корки до корки. Здесь расположен знаменитый рынок Модияно, один из известнейших европейских рынков.

Это было очень кстати.

В таком виде идти в отель нельзя, надо купить новую одежду и бельё. Потом можно присесть в каком-нибудь кафе, поймать вай фай и посмотреть в Интернете расположение ближайших к Модияно отелей. И заодно позавтракать!

Страшно хочется есть. А ещё выпить кофе.

При мысли о кофе я даже слюнки сглотнула. Вот что меня оживит, придаст сил и бодрости.

Я всегда верила в то, что кофе – волшебный напиток. Кофе – мой друг, сто процентов!

Несмотря на раннее утро, рынок уже жил своей суматошной жизнью. Торговцы разложили товары и активно зазывали покупателей, повсюду прогуливались туристы и местные, народ сидел в местных многочисленных тавернах и барах.

Греки вообще, как я заметила, просто обожали проводить время в кафешках.

Стараясь не углубляться в торговые ряды, чтобы не потеряться, вскоре я нашла то, что мне нужно.

Не меряя, купила два шёлковых платья, нижнее бельё, большие тёмные очки, платок и новые туфли.

От покупки последних можно было удержаться, но туфли были элегантными и в то же время удобными – ну как не приобрести такую прелесть? Я свято верю, что ничто так не приводит в норму и не поднимает настроение, как шопинг.

А мне сейчас ой, как нужно было успокоиться.

По соседству с магазином платьев как раз оказалась симпатичная таверна. Деревянные столики на кованых ножках стояли прямо на мостовой. В крошечном туалете, отделанном голубым кафелем, я с облегчением сорвала с себя несвежую блузку, вспомнила, как голый Демитрос пытался расстегнуть маленькие пуговички, и отправила ее прямым ходом в мусорное ведро.

Туда же отправился лифчик и сандалии. Я хотела выбросить и свою юбку, но помяв в кулаке приятную на ощупь зелёную ткань, почему-то передумала. Может быть, я ее ещё зашью, выстираю и буду носить.

По обыкновению устроившись за одним из самых дальних столиков, рядом с живой изгородью, я заказала морепродукты, салат с оливками, фруктовое пирожное и латте.

И почему-то ещё очень захотелось омлет, о чём я и сообщила юному пареньку-официанту.

Он знал русский язык, чему я позволила себе удивиться. Паренёк с готовностью сообщил, что в Салониках очень большой процент русскоговорящего населения. В общем, мы мило поболтали и после чего он, наконец, отправился выполнять заказ.

Когда еду принесли, я решила, что переборщила, и все это мне не съесть. Порции были просто огромными.

Официант ослепительно улыбнулся и поставил на скатерть длинный узкий стакан с какой-то мутной жидкостью, напоминающей молоко.

– Это я не заказывала.

– За счёт заведения! Анисовая водка узо. Попробуйте, вам обязательно понравится!

– Водка?

Уж что-что, а водку я пить точно не буду, даже за счёт кафе.

Она горькая, противная и вообще – точно не мое питьё.

– Попробуйте! – настаивал официант. – Это наш национальный напиток, наша гордость. Вы не были в Греции, деспенис, если не пробовали анисовую водку. К тому же вам ее с водой размешали.

Я взяла запотевший стакан и сделала малюсенький глоток чисто из вежливости.

Напиток неожиданно оказался приятным, даже отдалённо не напоминающим нашу водку: прохладным, бархатистым, отдающим фенхелем, корицей и мускатом.

Я поблагодарила парня и опрокинула рюмку.

Официант обрадовался так, как будто лично эту водку делал, после чего оставил меня в одиночестве.

Еда была вкусной, кресло мягким, моё платье красивым, а туфли удобными. Я разомлела, сил не было даже на то, чтобы достать из сумки планшет.

Просто сидела, ела пирожное и разглядывала текущую мимо веранды кафе толпу.

Произошедшее ночью казалось каким-то кошмарным и нереальным сном, я загнала это вглубь лаковой шкатулки, заперла ее на замок и положила на самое дно души к остальным таким же крепко-накрепко запертым шкатулочкам, хранящим страшные воспоминания.

Думаю, когда-нибудь, я открою их все разом, смогу отпустить их содержимое и не сойти при этом с ума.

Психологи говорят, что не надо накапливать в себе плохое, но мой негатив был надёжно заперт, потому я могла почти спокойно сидеть сейчас в кафе и наслаждаться каждым мигот жизни, а не прятаться в шкафу, впадая в истерику от каждого шороха.

Честно говоря, этот способ со шкатулками я подчистую слизала у Дэнни Торранса из «Доктора Сна», хотя он прятал своих монстров в сейфы, и прятал куда надёжнее, чем я.

Кстати, о Кинге... Было время, когда я всерьёз подумывала написать ему, рассказать обо всем произошедшем со мной и попросить совета, что делать дальше.

Кто как не Король Ужасов подсказал бы, как можно победить Принца Миткаля?

Потом я от этой странной идеи отказалась. Не столько потому, что дойди моё послание до Кинга, он счел меня сумасшедшей фанаткой, сколько потому, что мне бы не хватило знаний английского, чтобы это письмо грамотно составить.

Я отправила в рот ещё один кусочек пирожного и потянулась-таки за планшетом, но кое-что отвлекло.

На площади появились боги Олимпа.

Ну, вернее, не настоящие боги, конечно, а переодетые в них люди в белоснежных туниках и золотистых обручах на головах. Из рекламного проспекта я знала, что на Модиаго частенько происходят всякие представления, выступают уличные музыканты и певцы.

Молодые и красивые актёры разыгрывали сюжеты из мифов.

Их окружила толпа туристов, снимали на видео, фотографировались. Помимо своей воли я увлеклась представлением и даже узнала всех богов поименно.

Влад бы мной гордился.

Закончив выяснять, кому же из богинь предназначается золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей», боги устроили танцы, вовлекая в них людей из толпы.

У греков есть странный обычай кидать над танцующим человеком салфетки. Квадратики бумаги плавно опадали и тут же рвались под ногами.

Скоро по всей площади летели белые обрывки салфеток, похожие на хлопья снега.

Звуки, запахи и цвета смешивались, создавая ощущение праздника.

Засмотревшись на происходящее вокруг, я зазевалась, но все же смогла поймать брошенное мне бутафорское золотое яблоко.

Кинул это яблоко сам Аполлон, после чего подошел вплотную к столику и учтиво пригласил меня на танец.

Я вежливо покачала головой, но парень оказался на редкость настойчивым, и вот я уже в кругу улыбающихся олимпийских богов пытаюсь изобразить что-то похожее на национальный греческий танец.

Это оказалось неожиданно весело, я раскраснелась, повторяя движения за Аресом, который вызвался быть моим учителем.

Он смеялся и совсем не по-божественному показывал класс. На какое-то мгновение я даже позабыла обо всех своих невзгодах, ощутив себя беззаботной, красивой и по-настоящему свободной...

До тех пор, пока не увидела его.

Сердце перестало биться и резко ухнуло вниз.

Ян стоял на противоположной стороне улицы у лавки с разложенными отрезами тканей. Проносившиеся по дороге машины на мгновение скрывали его, и каждый раз я надеялась, что видение сгинет, морок уйдет...

Напрасно.

Ян все-таки нашёл меня.

Я изо всех сил сцепила пальцы. В ушах начал нарастать неясный, но отчётливый гул.

Он изменился, выглядел иначе, чем я его помнила.

Светлые волосы были впервые за все время вымыты и гладко зализаны назад. Он не горбился, не ломался, как всегда.

Стоял прямо в своём дурацком прикиде: белые джинсы с вытянутыми коленями висели на худых ногах, а светло-бежевый старомодный свитер с ромбиками смотрелся по греческой жаре странно и нелепо.

Глаза скрывали большие коричневые очки, в которых он напоминал гигантского слепня.

Не в силах пошевелиться, я понимала, что единственный мой выход – сорваться с места и бежать, куда глаза глядят, но не могла.

Он словно парализовал меня, лишил воли и надежды.

Вокруг шумел весёлый праздник, и в центре него я, наверное, выглядела как человек, только что узнавший о своём смертельном диагнозе.

А потом Ян стянул с носа свои дурацкие очки и принялся приветливо махать мне.

Я помертвела.

Его глаза стали хуже. Психбольница стояла пустая, с полным кавардаком в палатах и коридорах, с разбитыми стеклами, с убитыми и распотрошенными врачами и медсёстрами. Психи вырвались наружу.

В глазах Яна теперь была самая чёрная и ночь с липким привкусом бреда, с кровавым суперлунием, из-за которого бывшие обитатели психбольницы, разгуливающие теперь на свободе, впали в настоящее неистовство.

Ян растянулся в улыбке и пошлёпал своими толстыми губами, после чего вытянул их трубочкой и послал воздушный поцелуй.

Меня словно паук в щёку укусил.

Пошатнувшись, я потеряла равновесие и была поймана Аресом, который ещё пару минут назад учил меня танцам.

Хотела пробормотать что-то вроде «спасибо», и кинуться с места в карьер, но слова застряли в горле.

Сквозь белую тунику парня проступали бурые пятна.

Я шарахнулась от него вправо, но путь мне преградила золотоволосая Афродита. Блестящий обруч сдавил ее лоб так сильно, что из-под него тонкими струйками текла кровь.

Я взвизгнула, попыталась оттолкнуть ее, но боги взяли меня в кольцо.

Ян стоял на прежнем месте, с интересом наблюдая за происходящим.

Поймав мой взгляд, он закусил нижнюю губу, выпучил глаза и пожал плечами.

Проклят. Этот человек проклят!

Люди в окрашенных кровью тогах уже не были людьми, черепа вместо лиц скалились на меня со всех сторон.

Страшнее и отвратительнее всего было видеть у этих черепов шелковистые волосы.

Я истошно закричала, зачем-то вцепилась в ремень сумочки, висящий на моём плече, и, оттолкнув страшную Афродиту, вырвалась, наконец, из этого круга.

Свежий воздух хлынул в лёгкие и я, расталкивая зевак, бросилась вглубь рынка.

Текстильные ряды сменились сувенирными, а те – продуктовыми.

Яркие краски, свежие фрукты и овощи, потрясающие запахи...

Мне не до этого всего! Тут принято было ходить степенно, торговцы и туристы провожали меня удивлёнными взглядами, крутили пальцами у виска...

Ну и наплевать!

Что-то было не так, что-то не давало мне покоя. Сквозь аппетитные ароматы фруктов и выпечки пробивался какой-то другой, гнилостный, отвратительный.

Он точно преследовал меня, я даже на ходу вдохнула запах своих волос и платья. Нет, это точно не от меня!

Впереди показались лотки с морепродуктами, за которыми виднелась набережная. Вызывающий тошноту запах стал сильнее. Я просто обожаю рыбу, да и морепродукты на прилавках явно были свежими, и все же пахло тухлой рыбой.

Я нервно оглянулась, и показалось, что в толпе мелькнула знакомая фигура в белых джинсах и бежевом свитере.

Впереди была набережная, место, совершенно открытое, где я буду, как на ладони.

Над морем, пронзительно крича, кружились жирные чайки.

Противные падальщики! Никогда их не любила.

Тревога – я вся была охвачена ею.

Несмотря на жару, руки заledenели и тряслись мелкой дрожью. Сейчас Ян настигнет меня, утащит в своё логово и снова превратит мою жизнь в калейдоскоп причудливых и омерзительных кошмаров и своего непрекращающегося бреда.

Меня не капли не успокаивало то, что я находилась в людном месте. Это его не остановит.

Никогда не останавливало.

Метрах в пятидесяти находился пирс, на котором стоял небольшой маяк, крашенный в красные и белые полосы.

Иного выбора не было – и я поспешила к маяку. В крайнем случае смогу прыгнуть в море, хотя делать этого не хочется – я не знаю, какая в этом месте глубина, да и волны после вчерашнего шторма бьются о камень слишком уж сильно.

Запах тухлой рыбы стал прямо-таки нестерпимым, и я наконец-то поняла, что его испускает.

Вода около пирса кишела дохлой рыбой.

Склизкие тела лежали на воде брюхом кверху. В большинстве трупов уже поселились морские черви, разъедающие рыбью плоть.

Трехуха мерно покачивалась на волнах. Теперь было понятно, почему на набережной так мало народу, почему никто здесь не рыбачит, не сидит на больших деревянных лавочках.

Вонь гниющей рыбы была нестерпимой, а зрелище крайне неприглядным.

В такую воду я прыгнуть, наверное, не рискну. Вот теперь я точно сама себя загнала в ловушку. Сердце трепыхалось в груди испуганной птичкой, я никак не могла отдышаться и все время оглядывалась, но Яна поблизости видно пока что не было.

Я вдруг подумала, что если выбирать между ним возможностью искупаться среди тухлой рыбы – я без колебаний выберу купание.

Впрочем, он, наверное, наоборот, будет в восторге, найдет это романтичным, и нырнет следом за мной.

Конец пирса был неровным и обломанным, будто исполинское чудовище откусило от него солидный кусок. Маяк будто завис над самым краем.

Я очень надеялась, что смогу забраться внутрь, но небольшая дверь на толстых железных петлях была заперта на амбарный замок.

В рядах с морепродуктами показалась фигура Яна. Он медленно вышагивал, нелепо задирая свои журавлиные ноги и, по-моему, выглядел совершенно сумасшедшим. На месте греческой полиции я бы тут же его арестовала, но как будто в ответ на мою мысль появившиеся патрульные прошли мимо, даже не удостоив его взглядом.

Остановившись у набережной, Ян задрал голову, прикрыл глаза, и с видимым наслаждением широко открыв рот, вдохнул тошнотворный запах с моря.

Я вскочила на белое основание маяка и осторожно, стараясь не поскользнуться на мокром камне, обогнула его. Внизу было вонючее и скользкое месиво.

Хотела зажать нос, но не стала, боясь потерять равновесие и рухнуть с портала вниз.

Стараясь дышать через раз и не обращать внимания на то, что плавало под ногами, я вглядывалась в синюю даль моря. Скорее бы отсюда уехать! Впрочем, нигде не будет нормальной жизни до тех пор, пока Ян ищет меня. Снова бесконечный бег и снова по замкнутому кругу.

Нет сил больше стоять здесь, нет сил больше ждать.

Выглянуть бы, но слишком страшно. Сколько прошло времени?

Десять, двадцать минут?

Я вся покрылась потом на изнуряющем солнцепёке, и казалось, что стою уже здесь целый час, не меньше.

Тухлая смердящая масса рыб зашевелилась, и я увидела, как из неё вынырнула рука. Ян был здесь, он стоял всего лишь в паре метров от меня. Я знала это, я это чувствовала!

Между тем утопленница показалась из воды, и я, содрогнувшись, узнала в ней себя – распухшую, фиолетово-зелёную, в истлевших обрывках розового миткалевого платья.

Первым моим порывом было закричать и броситься подальше отсюда. Клянусь, я бы так и сделала, но знала, что обязана вытерпеть этот ужас.

Он просто пугает меня, наводит, как всегда, свой дикий омерзительный морок.

Я должна это выдержать.

Должна!

Утопленница протянула ко мне обгрызенные морскими обитателями руки и нежно позвала:

–Ева! Ев-а-а-а!

Я закусила губу, чтобы не закричать.

Другая я, мертвая, отводя от себя трупы рыб, подплыла к краю пирса и положила на него руки.

Большой длинный червяк нежно-оранжевого цвета вылез из ее глазницы. Цепляясь толстыми пальцами за скользкий камень, она поползла ко мне.

– Убирайся! – теряя остатки самообладания, беззвучно прокричала я. – Убирайся прочь!

В ответ она лишь улыбнулась синегубым ртом и поднялась ещё на пару сантиметров вверх. Что будет, когда она доберётся до меня? Утащит, сожрет, передаст Яну?

Я не знаю, когда успела достать из сумки свою юбку, я, правда, не помню, как она оказалась у меня в руках, но, когда мертвая почти доползла до меня, я поняла, что комкаю в руках зелёную ткань.

– Метеоры... – прошептала я, уже почти не на что не надеясь. – Перкаль! ПЕРКАЛЬ! Пошла прочь!

Утопленница округлила рот, коротко взвизгнула и свалилась в воду.

Тела дохлых рыб накрыли ее, и лениво заколыхались на воде, будто ничего и не было.

Я судорожно провела рукой по лбу, смахнув капли пота.

Ты убралась, гадина!

Вот так!

Ян пройдёт мимо, он не заглянет за маяк...

Он чувствует, что я где-то близко, но сейчас мне удастся уйти от него.

Не затем я тогда смогла сбежать из его дома на острове, не затем улетела в другую страну!

Уходи, Ян.

Ищи дальше. Здесь меня нет...

Я твердила это про себя на все лады, пока ветер не донёс голос Яна. Елейные интонации, ядовитые своей сладостью...

– Мышка-норушка прячется в норку... Она хорошо научилась прятаться, проворная мышка, это да... Где же ты, миленькая моя невестушечка? Как тебе удалось улизнуть, мышенька моя? Ку-ку! Ку-ку! Я все равно найду тебя, мыша, это лишь вопрос времени. Ох, какой же радостной будет эта встреча! Я вставлю тебе во влагалище белую акацию в знак чистой и искренней любви.

Я досчитала до трехсот, а затем осторожно выглянула.

Он удалялся с причала своей расхристанной походкой. Шёл, не оглядываясь, обратно к Модiano.

Наверное, решил искать меня там.

Во всём его теле сквозила какая-то неуверенность, нетвёрдость, будто он и сам не понимал, куда идёт.

Подождав, пока он скроется в толпе, я, совершенно обессиленная, выползла из своего укрытия. Голова кружилась, к горлу подкатывали приступы тошноты.

Ощущая страшную слабость, я поспешила прочь от набережной. Мне нужно было прилечь.

Устроившись за столиком первого попавшегося кафе, подключилась к его вай фаю и долго искала по карте Салоник отель, расположенный как можно ближе к зданию местного аэропорта.

В шесть тридцать у меня вылет, и до этого времени я должна поспать. Наконец, усилия увенчались успехом – прямо по Интернету я смогла снять номер в огромной гостинице «Салоник Плаза».

Гугл даже предупредительно выдал маршрут и номера автобусов, на которых можно было добраться до отеля, но, плюнув на все, я взяла такси.

Они в Греции на каждом шагу, юркие мини-куперы – синие с белой крышей. Я тратила деньги Гая, отданные ему Яном с несвойственной мне расточительностью, но мне подспудно хотелось как можно быстрее от них избавиться.

Была у меня сумасшедшая мысль, что, возможно, деньги сделаны из миткаля и помогают Яну найти меня.

Отель оказался пятнадцатизэтажной башней из бетона и стекла.

Вот и славно!

Надеюсь, я смогу здесь затеряться. Переждать мне нужно остаток дня и начало ночи.

На всякий случай я заплатила за номер по системе «все включено», хотя, разумеется, ни ресторан, ни турецкие бани, ни тренажёрный зал или бассейн отеля посещать не собиралась.

Номер мне попался на четырнадцатом этаже, роскошный, с потрясающим видом на Салоники. Но на балкон я даже не вышла, сразу задернула ночные шторы, повключала везде, даже в ванной, свет и телевизор.

Всё, чего мне хотелось – забиться в платяной шкаф и не вылезать оттуда до того момента, когда приедет такси, чтобы меня отвезти в аэропорт.

Оставив дверь в комнату открытой, отправилась в душ.

Воду сделала почти нестерпимо горячей, надеясь, что она смоет с меня все плохое, что приключилось за последние сутки: поцелуи Демитроса, прикосновения испачканных в крови тог богов-актёров, запах тухлой рыбы и нереальный, животный ужас перед Яном.

Закутав мокрые волосы в махровое полотенце, я посмотрела на шкаф, но потом все-таки забралась в постель и накрылась одеялом.

Мне было страшно, тревожно и так одиноко.

А может... Может, зря я так поступила с Гаем?

Что сейчас с ним?

Интересно, он до сих пор в полиции? А вдруг Ян до него добрался?

Добрался – и поделом. Пусть это слишком жёстко, но за убийство Влада Гаю нет прощения.

Что Гай там говорил, Ян с ним сделает, когда найдёт его?

Кровавого орла?

Пальцы помимо воли набрали в поисковике это словосочетание.

Я даже сайты открывать не стала, увидела ужасающие картинки, прочитала первые пару строчек, висящие прямо в поисковике и спешно стёрла написанное.

Кровавый орёл – это древняя казнь, когда на спине человека рассекали рёбра, разводили их в стороны наподобие крыльев и вытаскивали лёгкие.

Достоин ли Гай этой дикой участи за смерть Влада?

Нет, таких мук не заслуживает никто!

Но Ян способен на то, чтобы их устроить, способен, я уверена. Его глаза сказали мне...

Он перешёл последнюю черту.

Пусть бы Гая справедливо судили и посадили в тюрьму за убийство. Это было бы честно. Я не желаю ему смерти, каким бы чудовищем он не был. Я не хочу, чтобы Ян нашёл его.

Может, кто-то скажет, что я слишком милосердна?

Господи, и зачем я загулила этого «кровавого орла»?

Мне стало ещё гаже, хотя гаже, казалось, уже быть не может. На всякий случай я решила проверить почту и не поверила своим глазам.

Там было письмо! Письмо от Амины!

За все это время я отправила ей, наверное, десяток писем, но ни на одно ответа так и не получила. Решив, что она просто не хочет со мной связываться, так как это опасно, я перестала надеяться восстановить связь с подругой.

Привет, дорогая Ева!

Прости, что не отвечала на твои письма, но у меня, правда, не было такой возможности. Столько всего произошло, ты даже себе не представляешь! Свадьба моя так и не состоялась, потому что заболела Жанна. С одной стороны я, конечно, рада, но с другой – отдала бы всё, лишь бы она была здорова. Сейчас мы живем с ней в цыганском посёлке, неподалёку от Иванова... Вот куда меня занесло! Я ухаживаю за Жанной и она потихоньку идет на поправку, хотя и очень слаба.

Ты не пишешь прямо, где ты сейчас, но я чувствую, что очень далеко. Возможно, тебя даже нет в России. Ну, не глупость ли? А недавно мне приснился про тебя сон... Нехороший сон, если честно. Как будто ты (только не смейся) забеременела (не знаю от кого, но не от Гая точно) и родила какое-то страшилище. Когда я рассказала об этом сне Жанне, она велела тебе приехать. Да, да, вот прямо так и велела. Сказала, ей с тобой поговорить нужно срочно. Не знаю даже, что на это сказать. Может, она просто опять мутит воду, изображая из себя великую прорицательницу? А, может, и правда, увидела что-то важное. В любом случае, это просто грандиозная мысль! Ты должна приехать к нам в гости! Я ужасно по тебе соскучилась и нам есть о чём поговорить! В общем, поставлю вопрос ребром: когда ты приедешь?

Долго писать не могу, обо всем при встрече. Надеюсь, она будет скорой! Скорой, ты поняла намёк?

Целую, твоя Ами.

У меня аж слёзы на глаза навернулись. Так здорово было получить весточку от подруги!

К тому же она зовёт меня в гости. Да я была бы просто счастлива поехать!

Но вряд ли мне можно...

Я не должна навлекать на неё и Жанну опасность.

Проклятый замкнутый круг, в который загнал меня этот полоумный Ян. Перекрыл все ходы и выходы, не оставил никакой возможности для нормальной жизни, я даже с единственной подругой повидаться не могу!

С горечью я закрыла почту, оставив ответ на потом.

Слишком печально было сообщать Амине, что я не приеду. Напишу ей позже.

Я хотела отложить планшет, но вдруг поняла, что забыла про главное.

В ответ на мой запрос «перкаль» поисковик выдал: «Перкаль – тонкая и лёгкая ткань, которую изготавливают особым крестообразным плетением некрученых волокон, предварительно обрабатываемых специальным клеящим составом. Благодаря своим потрясающим свойствам, используется в авиации, мореплавании, легкой промышленности, а так же при шитье женских блузок и юбок. Самый крупный российский завод по изготовлению перкаля расположен в Ивановской области».

Чёрт побери!

Перкаль – это тоже ткань, как и миткаль.

Мне следовало догадаться раньше, но я, как всегда, демонстрирую чудеса сообразительности.

Повинуясь внезапному порыву, потянулась за сумкой и достала из неё свою несчастную драную зелёную юбку.

«100% хлопок, перкаль» было написано на этикетке.

ГЛАВА 4

Фотографии

Я очень боялась проспать ранний вылет в Москву, поэтому на всякий случай позвонила на ресепшен и попросила, чтобы в три утра портье постучал ко мне в номер.

Будильник на сотовом, конечно же, включила и сто раз проверила, но мне казалось, что его не услышу.

После моей тихой и размеренной жизни на побережье в одни сутки произошло столько неожиданных и неприятных событий, что я была совершенно измотана – физически и морально.

Будущее выглядело неопределённым и безрадостным.

Ян подошел очень близко, мне каким-то немислимым образом удалось скрыться от него, но я чувствовала, что в следующий раз такой возможности не будет.

Перкаль пугал меня...

Эта ткань, наверняка, как и миткаль, связана с Яном. Возможно, он и над ней имеет власть.

Возможно, благодаря перкалевой ткани, из которой была сшита моя юбка, я попала в лапы греческого порнографа, и Ян нашел меня на Модиаго, устроив там кровавое представление.

Священник из Метеор хотел меня предупредить, но я не вняла и снова попала в неприятности. Интересно, почему я с завидным упорством наступаю на одни и те же грабли? Меня много раз предупреждают об опасности разные люди, но каждый раз я лезу на рожон.

Мне все время везёт, но это не может длиться вечно.

Есть такой тип людей, которые вечно попадают во всякие передраги, с таким геном «тридцать трёх несчастий». Думаю, не секрет, что я из их числа.

Большинство моих сверстниц живет нормальной жизнью: у них есть родители, они учатся в университете, ходят на свидания, болтают в кафе с подружками, снимают тик-токи.

А я всего этого лишена, вынуждена скрываться, мучиться кошмарами и жить с оглядкой. Я знаю, что окружающая меня действительность слишком мрачна для девушки восемнадцати лет.

Ненавижу жалеть себя, но, черт побери, как же обидно!

Хотя с другой стороны, те же самые сверстницы, может быть, считают свою жизнь слишком пресной и скучной, мечтают о приключениях, и романтической страсти опасного злодея.

То, что происходит со мной, вряд ли можно назвать приключениями, а уж Ян на роль рокового и обаятельного злодея никак не тянет.

Господи, как бы я хотела забыть его лицо, его слова, эти его вечные присюсюкивания! Но особенно – глаза.

Сумасшедшие и хитрые. Однажды мне приснился кошмар, что психи, живущие в глубине зрачков, вылезли наружу и принялись насиловать меня – все, одновременно. Потом они уменьшились до размеров муравья и заползли обратно в глаза Яна.

Он весь был пропитан этим духом насилия, тонким и острым, похожим на запах только-только начавшегося гниения.

Но сам бы он меня так не взял. Он не хотел меня насиловать.

Ян бы сделал так, что я выполнила все его желания добровольно.

Разделась догола, обмазалась мёдом, сделала бы ему минет, сказала, что я его рабыня навеки... И это было самым страшным. Эмоциональное насилие сродни физическому.

Они почти всегда идут рука об руку.

Мне было чертовски страшно засыпать одной, но я представила, что нахожусь в море, мерно качаюсь на волнах...

Море доброе, и постепенно убаюкивает. Удивительно, но ничего плохого мне не снится.

Солнце, волны, песок. Камни, сложенные у самой кромки воды в имя «Ева». Набегающая вода захлёстывает надпись и оставляет после себя лишь кучку мокрых камней, но тут нет ничего страшного.

В этом сне мне не страшно, скорее одиноко и безмятежно.

Я просыпаюсь, вскочив на постели. Сердце бешено бьётся в груди. Я ощущаю панику.

Ян нашел меня и сейчас войдёт сюда, улыбаясь своей жуткой улыбкой.

Он заставит меня раздеться, обольёт просроченным молоком и примется слизывать кисло пахнущую жидкость прямо с моей кожи своим длинным лиловым языком.

Некоторое время я обречённо жду его появления, ощущая озноб во всем теле и даже желая, чтобы эти томительные минуты скорее закончились.

Спокойно! Возьми себя в руки!

Он далеко отсюда.

Я смотрю время и понимаю, что поспала совсем немного, всего лишь два с половиной часа. Вещи собирать не надо, у меня всего лишь небольшая дамская сумочка на цепочке в форме подковы.

Даже удивительно, как такая маленькая вещь может быть такой вместительной!

Можно и даже нужно отдохнуть до отправления в аэропорт, но я не могу сомкнуть глаз. Встаю с постели, проверяю все закоулки номера: ванную, шкафы, тумбочки.

Заглядываю под кровать и на балкон. Ничего подозрительного.

Но я все равно волнуюсь, не нахожу себе места и бестолково мечусь по номеру. Паника охватывает все больше и больше.

О, господи, поскорее бы уехать из Греции!

Наконец, я понимаю, что так просто сойду с ума, и решаюсь сходить поискать ночной бар, чтобы заказать себе чашку кофе. Мысль о том, что по возвращении придётся снова проверять все закоулки номера, страшит, но я уже вышла в коридор.

Бар нашёлся тремя этажами ниже.

Здесь очень шумно и многолюдно, гремит музыка и хлещет из-под потолка пена. Я показываю бармену свой зелёный браслет (означающий, что для меня здесь «все включено») и прошу кофе, уточняя по-русски: «Очень крепкий». Молчаливый не улыбочивый парень ставит на стойку маленькую белую чашку на блюдечке, в которой плещется почти чёрный напиток.

Я благодарно киваю и тащу добычу в номер.

Включая телевизор, тут же попадаю на греческие новости. Едва увидев на экране знакомые ряды Модиано, тела на асфальте в белых туниках, окрашенных красным, тут же выключаю, но уже поздно.

Мне снова становится не по себе и я не знаю, как пережить эти три с половиной часа, оставшиеся до отъезда в аэропорт.

По какой-то странной случайности на одной из полок рядом с часами, статуэтками и вазами оказывается русская книга – детектив в пёстрой обложке.

Она совсем новая и видно, что прочитали ее лишь раз.

После работы в библиотеке я такие вещи чувствую нутром. Наверно, какая-то русская туристка забыла или нарочно оставила, а горничные почему-то решили не выбрасывать.

Книжка ужасно глупая и написана паршивым языком, но она помогает мне отвлечься. Углубившись в бестолковые приключения девушки со звучным именем Клементина, я не замечаю, как проходят три часа.

Книга, как всегда, успокаивает, приносит в душу мир и покой. Магия печатных строчек действует безотказно.

Когда в три часа ночи в дверь, как и положено, стучится портье, я открываю ему с вежливой улыбкой, собранная, спокойная, в коротком чёрном платье, купленном на Модииано.

Сумочка-подкова очень идет к нему.

Она почти ко всему, по правде говоря, идет.

Девушка-портье желает хорошей дороги и остаётся проверять номер, а я, бесшумно ступая каблуками по синему ворсу ковра, спускаюсь вниз, где меня уже ждёт такси.

За окном мелькают ночные и малолюдные улицы Салоник.

Таксист мне попался угрюмый, а я все старалась разглядеть его лицо в зеркале дальнего вида.

Боялась, что он вдруг окажется Яном.

Поймав мой внимательный взгляд, мужчина нахмурился и отвернулся. Он домчал меня до аэропорта очень быстро, и я была этому рада. Меня все больше охватывало какое-то нервное состояние, хотелось улететь из Греции как можно скорее.

Исполинское стеклянное здание аэропорта было заполнено людьми. Стоя в очереди на регистрацию, волновалась. Почему-то мне казалось, что возникнут проблемы с билетом или с моими документами, но все прошло благополучно.

Работники аэропорта немного удивились, что у меня нет багажа, и только.

Оказавшись в Дьюти Фри, почувствовала себя в безопасности и даже решила выбрать себе духи, так как мне казалось, что запах тухлой рыбы преследует меня, пропитав кожу и волосы.

Остановилась на изящном цветочном аромате Дольче Габана Дольче, придя в восторг не только от запаха, но и от флакончика, увенчанного черной лентой и марципановой розой.

Сразу распечатав упаковку, я брызнула в воздух и вошла в облачко запаха, чтобы он осел на одежде, коже и волосах.

Я очень надеялась, что Ян потерял мой след.

Хотя бы на время.

И вдруг подумала, что, может быть, именно в этот момент он чинит расправу над Гаем.

Разрезает ему спину, вытаскивает рёбра...

Наверное, я монстр, чудовище, но я не хочу, чтобы Гай умирал.

Мне небезразлична его судьба, нужно это признать.

Я должна выкинуть его из головы, чтобы не предавать память о Владе.

Внезапно через пару кресел от себя я увидела мужчину в низко надвинутом капюшоне куртки защитного цвета. Он сидел, сгорбившись и сунув руки в карманы, будто задремал.

Я понимала, что нельзя подозревать каждого парня в капюшоне, но мне сделалось жутко.

А вдруг Ян все-таки выследил?

Купил билет, прошел регистрацию... Вдруг я полечу с ним в одном самолёте?

Закрытое пространство, огромная высота, ничего не подозревающие и беспомощные пассажиры...

От одной мысли, в какой кошмар и бред способен превратить этот рейс Ян, мне стало совсем худо.

С испугом глядя в мужчину в куртке, я с ужасом находила в нём все больше знакомых черт.

Худой и какой-то неопрятный. На ногах раздолбанные грязные кроссовки. Одно плечо держит чуть выше другого.

Напротив меня молодая семейная пара пыталась успокоить орущего ребёнка, совсем маленького, месяцев восьми.

Малыш заходился в крике и показывал пальцем куда-то в сторону... В сторону мужчины в капюшоне.

Я вжалась в кресло. Во рту появился противный привкус меди, в ушах зазвучал знакомый гул.

Теперь мне не уйти от Яна... Теперь нет... У меня не было больше сил сопротивляться, куда-то бежать. Я обхватила себя руками и ждала, когда парень поднимет голову и улыбнётся мне из-под капюшона знакомой Яновой ухмылкой.

Я стала загнанной дичью, покорно ждущей, когда охотник вскинёт ружьё.

– Ева, успокойся. Это не он.

Вздвигнув, обернулась на соседнее место и вместо сидящей там женщины увидела Гая.

Гладко выбрит, причёсан, свеж, и убийственно спокоен. Вот что за человек такой?

Ни наша его полиция не берёт, ни даже греческая!

– У тебя лицо такое, как будто по нему сапогами прошли, – продолжил Гай. – Возьми себя в руки.

Его грубые слова подействовали как отрезвляюще. Я действительно превращаюсь в параноика.

– Откуда ты знаешь, что это не Ян?

– Видел, как он проходил регистрацию, – снизошел до ответа Гай.

– Ну, спасибо, что успокоил, – чувствуя себя совершенно по-дурацки произнесла я. – А теперь уходи!

– Вообще-то я тоже лечу этим рейсом, – сообщил Гай. – Даже на соседнем с тобой кресле. Может, нет смысла мне уходить?

Я даже дар речи от такого вероломства потеряла.

– Зачем? – воскликнула громче, чем следовало, и сразу понизила тон. – Забудь меня. Пожалуйста, Гай! Я не хочу иметь ничего общего с... убийцей. Если ты не возьмёшь билет на другой рейс, я снова обращусь в полицию. Я не отступлю, Гай. Что бы ты ни сделал, я не прощу тебя за Влада. Никогда.

Я впервые назвала его этим страшным словом, но он даже не поморщился.

Я закончила свою речь очень спокойно.

Я говорила правду.

Выслушав меня, Гай не стал оправдываться, возражать, уговаривать или клясться в вечной любви.

Он просто достал из своего кейса вскрытый квадратный конверт и протянул мне.

Я машинально взяла, почувствовав внутри что-то плотное.

Подняла на него глаза.

– Что там? Что?

Гай молча смотрел на меня.

Не зная, чего ожидать, я открыла конверт и достала несколько фотографий.

– Этого просто не может быть... – прошептала.

Господи боже, я его похоронила, я его оплакала, я поставила свечу за упокой его души.

Я поверила в то, что он убит, поверила слепо, безоговорочно и постаралась забыть, тогда как он был жив.

Влад жив.

Фотографии непрофессиональные, и все-таки очень качественные и яркие, как будто снимали на хороший телефон.

На первой Влад стоял на ступеньках Согинеи, прикуривая сигарету.

Мимо шли студенты, но ему, похоже, было все равно. Это было что-то новенькое, потому что курящим я его видела лишь раз – в ночь, когда он признался мне в любви.

А тут так демонстративно, напоказ – я хорошо помнила развешанные по Согинее правила, гласящие, что курить на территории академии строго запрещено.

Влад как будто стал ещё бледнее, ещё болезненнее, чем я его помнила. Черное пальто было неожиданно стильным и здорово шло ему, учитывая в какие старомодные одежды Влад всегда одевался.

Вторая фотка явно сделана с одной из ступенек расположенной амфитеатром лекционной.

Влад читал лекцию у кафедры. Это было так обыденно, привычно и так позабыто, что у меня даже сердце защемило.

Я обратила внимание, что на доске позади него была мелом выведена дата. Позавчерашняя.

На третьей и последней фотографии Влад, сгорбив плечи, стоял под дождём на остановке, ожидая свою маршрутку.

Неведомый фотограф умудрился заснять его крупным планом: на тёмных волосах бисеринки дождя, уголки губ чуть опущены вниз, и только глаза – яркие и пронзительно синие выделяются на печальном лице Влада.

На этой фотографии он был чем-то похож на Пьеро.

Я не знаю, как описать бурю эмоций, которая охватила меня при виде этих фотографий. Я забыла о том, что сижу в аэропорту, забыла о Гае, забыла даже о Яне, перебирая фотографии и вглядываясь в черты лица своего бывшего преподавателя, который когда-то признался мне в любви.

Что Влад думает обо мне сейчас?

Ненавидит, разлюбил, позабыл?

Вариантов очень много.

Он мог подумать, что помимо Эли в тот вечер бала-маскарада в Согинее маньяк напал еще и на меня и что я мертва.

Или что это я маньячка – убила Эльвиру и скрылась.

Дико звучит, но чего только не бывает.

Хотя, скорее всего, Влад решил, что я сбежала вместе с Гаем. Наплевала на него, на его чувства, даже смс не написала напоследок.

Я должна его увидеть!

Должна поговорить с ним, все объяснить. Я ведь теперь так перед Владом виновата – вовек не искупишь свою вину.

Он открылся мне, а я дала надежду, а потом просто исчезла.

Да он меня тварью последней наверняка считает.

А, может, и не думает уже обо мне?

– Ева, – тихо позвал Гай. – Почему ты плачешь?

Действительно, плачу.

И не могу остановиться. И вправду, почему?

– Что произошло, когда полиция увела меня из твоего номера? – спросил Гай и добавил, сделав паузу. – Ты была на Модиаано?

Я кивнула и зарыдала еще сильнее.

Что-то произошло со мной, мой обычный рационализм впервые валялся в полной отключке, позволив эмоциям одержать полный верх.

Все навалилось одновременно: одинокие пустые дни бездумного бегства, комнатуха, заставленная камерами, в которой меня собирались изнасиловать, кровь на белых тогах греческих богов-актеров и то, как я умирала на солнцепёке от запаха тухлой рыбы и страха, что увижу безумные глаза Яна совсем близко...

И новость о том, что Влад жив, которая потрясла даже больше всего остального, пробудив какие-то неясные мысли, чувства и образы.

Гай привлек меня к себе, а я не нашла сил отстраниться.

Если быть совсем уж честной, мне не хотелось этого.

Он был живой, сильный, настоящий, от него пахло каким-то свежим пряным цитрусово-древесным запахом, совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы растаять, уткнуться в его плечо.

– Дурочка ты, Ева, – Гай положил ладонь на мою макушку. – Безрассудная, самонадеянная, упрямая дурочка. Моя.

Мягкость его тона никак не вязалась с жесткими словами, которые он произнёс. Они должны были прозвучать снисходительно, а прозвучали нежно.

– Ты один умный, – сказала я, отстраняясь.

Что это со мной?

Дурацкая слабость!

Пусть он не убивал Влада, но это ещё ничего не значит.

Наверняка у Гая припасено пару тузов в рукаве. Такой это человек.

– Умный бы сейчас снимал сливки в городе, – усмехнулся Гай. – С подачи Яна стал уже, по меньшей мере, мэром, скупил бы на корню полицию и прокуратуру, выстроил настоящий замок, забил его подвалы кокаином и оплатил проститутток экстра-класса.

Сказанное им прозвучало настолько цинично и мерзко, что я поморщилась и бросила:

– Так что же помешало?

– Ты, – просто ответил Гай. – Ты – неучтённый фактор, моя слабость, моя необходимость.

Чистая моя половина. Все хорошее, что есть во мне – это ты, Ева.

– Хочешь сказать, в тебе осталось что-то хорошее. Да ты же продался ему со всеми потрохами!

– Положим, не со всеми, – резко перебил Гай и, помолчав, добавил, – Я хочу все исправить.

– Что?

В горле сразу пересохло, и голос мой стал похож на хрип глубоко простуженного человека.

Я ожидала, что Гай скажет, что это не мое дело, велит мне больше не поднимать тему его предательства, начнёт оправдываться, объяснять, как дошел до жизни такой...

Я ожидала всего, чего угодно, кроме этих простых и таких важных слов.

– Это ты можешь бегать, ты привыкла так жить. Этим ты выживаешь, – продолжал Гай серьёзно. – Знаешь, чего мне больше всего хочется сейчас? Схватить тебя в охапку и бежать с тобой на край земли, но я не могу. Я не такой человек, Ева. С тем, что у меня сейчас творится в душе, нельзя жить спокойно, да и ты меня таким не примешь.

– Я тебя никаким не приму.

Я впервые видела его таким... открытым.

– Уверена? – ухмыльнулся Гай. – Ты же любишь меня, просто не отдаёшь себе в этом отчёта. Всегда любила. Я знаю.

Он говорил это с такой уверенностью, что я и сама на мгновение поверила его словам.

Конечно, любила. Конечно, люблю!

Я, как замороженная смотрела на Гая.

Одним взглядом, всего лишь одним взглядом он мог сказать так много, что хватило бы на целую главу книги.

Но фотография Влада в моих руках заставила опомниться, стряхнуть с себя наваждение.

Честное слово, с таким даром убеждения ему точно надо в политику.

– Как мне любить тебя, если ты меня предал? Может, ты опять обманываешь? Откуда эти фотографии?

– Какая разница, откуда... – поморщился Гай. – Влад жив и здоров. Ну, думаю, что здоров, хотя, учитывая, как много он курит, я не был бы в этом на сто процентов уверен. Я не

убивал его, Ева. Ян пытался подбить меня на убийство, это так, но ты и сама знаешь, что мне трудно навязать свою волю.

– Господи, Гай, я как подумаю, что ты с ним якшался, прямо дурно становится, – пробормотала я. – Я не смогу простить тебя, понимаешь, просто не смогу...

– Я и не прошу у тебя прощения. И оправдываться не собираюсь. Все, что бы я сейчас не сказал – будут пустые слова, слова на ветер, – усмехнулся Гай. – Я всего лишь предлагаю тебе свою защиту и помощь. И искренне надеюсь, что тебе хватит мудрости их принять.

Подумайте только, он даже не хочет попросить прощения за свою подлость!

– А если не хватит?

– Если не хватит, он найдёт тебя и очень скоро, – сказал Гай, не глядя на меня. – Достанет даже на краю земли. Куда бы ты не уехала – в Австралию, в Антарктиду, Ян найдёт. Сделает из тебя нечто себе подобное. А потом я тоже вас найду, увижу вместе и пушу себе пулю в голову. Ну, или он меня раньше отыщет и убьёт каким-нибудь весёлым способом. Но по мне – так лучше пулю. Выбирай, какая концовка тебе больше нравится.

– Вообще-то ты сам говорил, что ему нельзя сопротивляться, и от него можно только бежать, – напомнила я.

– Я ошибался, – ответил Гай, кажется, не обратив внимания на мой ехидный тон. – Я не предполагал, что он хитер настолько. Передо мной он играл одну роль, перед тобой другую, он перебирает эти маски из миткаля – надевает то одну, то другую – и отбрасывает. Ян безумец, и в безумие превращается все, к чему бы он ни прикоснулся. Иногда мне кажется, что он и вовсе не человек, а существо, кем-то слепленное. Что у него не было отца, матери, что его просто сделали из какой-нибудь компостной кучи.

Гай как будто бы спохватился, кинул на меня взгляд и замолчал.

Странный у него в этот момент был взгляд.

В нем сквозила... готовность. Обречённость? Безысходность?

– Ты хочешь сказать, что за Яном кто-то стоит? – прошептала я.

Уж что-что, а такое мне в голову не приходило никогда.

– Может быть... Не знаю, – неопределённо ответил Гай. – Когда дело касается Яна, нельзя ни в чём быть уверенным. Но одно я могу сказать наверняка. Нам нужно вернуться.

Вот так вот.

Это «нам» прозвучало очень твёрдо и уверенно, точно было в порядке вещей. Точно Гай ни секунды не сомневался, что я приму его предложение и вверю ему свою жизнь.

И только потом до меня дошёл смысл всей фразы.

– Нет... – не веря своим ушам, произнесла я. – Ты же это несерьёзно? Зачем возвращаться в город, из которого я сбежала? Ты же сам говорил, что там жизни не будет. Там же все пропитано им! Это его вотчина. Его бредовый остров, где он хозяйничает, как хочет!

– Все верно, – спокойно кивнул Гай, но, такое ощущение, что это спокойствие было лишь видимостью. – Там все началось, и закончиться должно тоже там. Мы с тобой должны выяснить, кто он и откуда явился. Сжечь к чертям дом на острове и его поганые заплесневелые миткаля. Мы должны сделать так, чтобы этот больной убудок никогда больше не сшил ни единой вещи и не сделал ни одной драгоценности.

Вернуться обратно в город?

Я засмеялась громко и неестественно, но замолчала, поймав тёмный взгляд Гая.

Разумеется, моей первой реакцией было отрицание.

Я не хотела возвращаться в этот город кошмаров.

Мой личный ад!

Более того, я думала, что никогда больше туда не приеду по своей воле. Но было две вещи. Во-первых, Гай прав – я не могу бегать по всему миру от Яна вечно, когда-нибудь мне

снова придется сойтись с ним лицом к лицу. Испуганная, загнанная, забитая – вот какая я буду после этого изнурительного марафона.

Не лучше ли остановиться сейчас?

Остановиться, развернуться, встретить все свои страхи. Возможно, мне удастся узнать всю историю Яна, удастся его остановить.

Но одна я не справлюсь, это очевидно.

Придется принять предложения Гая, придется поверить в то, что он хочет все исправить. Отмахиваться от него снова и снова, корчить из себя чистоплюйку неразумно, если не сказать глупо.

Гай не убивал Влада, и это действительно меняет если не все, то многое.

Во-вторых, Влад. Я должна поговорить с ним, доказать, что сбежала, потому что думала, что он мёртв.

Может, ему мои доказательства уже до лампочки, но если я не попробую, то буду потом жалеть всю жизнь.

И да, я хочу его увидеть. Очень хочу, так, что сердце заранее замирает, если быть совсем уж честной.

Небо медленно синело за стеклом аэропорта.

Начинался новый день. Где-то я слышала пословицу: подумав – решайся, а решившись – не думай.

Нечего больше тянуть. Да, я боюсь возвращаться и все-таки я этого хочу. Одна я бы никогда на это не пошла, но со мной Гай со своим хладнокровием, упрямством, спокойствием и со своим особым отношением ко мне.

Можно ли назвать это отношение любовью? Вдруг Гай все ещё служит Яну, и хочет отвезти меня обратно в город по его указанию?

Я должна ему поверить...

Нет, нет, верить Гаю я ни за что не должна!

– Поверь, Ева, я изменился, – криво усмехнулся Гай. – Стал добрым, хорошим, честным, белым и пушистым. Можешь проверить – у меня даже крылья стали...

Договорить ему я не дала. Приблизилась и прильнула к его губам. Две-три секунды он, кажется, был в замешательстве, а потом ответил, притянув меня к себе.

Не может мужчина, который хочет предать женщину, отвезти ее к другому, целоваться так, как целовал меня Гай – горячо, страстно, жадно.

Такие чувства невозможно сыграть, я уверена в этом на все сто процентов. Пусть кто-то сочтёт мою проверку – а этот поцелуй был именно проверкой, глупой и наивной, но ее результатом я осталась довольна.

Я ему верю.

Наверное, и впрямь дурочка, но я верю.

Гай больше не с Яном. Он со мной теперь и будет действовать в моих интересах.

Если я не права – Оскар Гаю выдаст сам Ян. О том, что достанется мне, лучше не думать.

Я отпрянула, а Гай замер, тяжело дыша и глядя на меня.

– Ева, – выдохнул он. – Ева, что ты со мной делаешь?

– Хорошо, мы вернёмся. Мы вернёмся вдвоём и попытаемся во всём разобраться.

Гай с наигранной озабоченностью потрогал мой лоб:

– Ты не заболела? Я думал, надо будет уговаривать месяц. Как-то подозрительно быстро согласилась. На тебя не похоже.

– Ну, я же разумный человек и понимаю, что с тобой мне будет легче и... безопаснее, – отозвалась я, пытаясь загнать вглубь свои извечные сомнения. – Но не думай, что мы теперь вместе, Гай. Мы друг другу – в лучшем случае – партнёры, которых связывает одна цель. Давай рассматривать это просто как союз против Яна. Но у меня есть одно условие.

Эти слова Гая явно позабавили.

– Нет, ты все та же самая Ева. Моя Ева... – усмехнулся он, потрогав прядку моих волос. – Пытаешься держать дистанцию, выглядеть разумной и правильной и даже не понимаешь, что ты вызываешь во мне. Этот поцелуй был проверкой? Ты пыталась понять, достаточно ли сильные чувства я к тебе испытываю, чтобы не привезти тебя прямиком к Яну?

Я нахмурилась и отвернулась.

Впрочем, нет ничего удивительного в том, что он догадался.

– Я не знал, что он тоже тебя хочет, Ева, – вдруг сказал Гай. – А когда понял, было уже поздно. Я пытался уговорить тебя уехать, но ты не соглашалась. Я даже думал похитить тебя, силой увезти, но не решился. Наверное, надо было рассказать тебе правду, и тогда всё было бы по-другому. Но как расскажешь о таком? Такое не прощается...

– Это правда. Я тебя не простила. Мы сделаем, то, что должны, а потом разойдёмся в разные стороны, на этот раз навсегда.

Гай на это ничего не сказал, только усмехнулся краешком рта и напомнил:

– Ты какое-то условие мне выдвинуть хотела? Я весь внимание.

– Перед тем, как мы поедem обратно, я хотела повидать подругу. В Иваново поедem. Мне нужно ее увидеть перед тем, как... Никто не знает, чем обернётся этот рискованный шаг, поэтому я хочу встретиться с Ами. Или ты уже взял билеты в Белый Лог?

– Я забронировал два билета, но не в Лог, а в... другое место, – отозвался Гай. – У меня тоже есть кое-какие дела. Потом, если тебе это так необходимо, мы съездим в Иваново.

Меня охватило страшное подозрение.

– В какое это такое другое место? – воскликнула я возмущенно. – Ты не договариваешь! Куда собираешься меня отвезти и зачем? Говори, Гай, иначе я пошлю к чертям все эти соглашения. Я должна знать о твоих планах.

– Мне нужно встретиться с одним человеком, – туманно произнёс Гай и, поколебавшись, добавил. – Когда-то я перешёл ему дорогу, и расстались мы весьма недовольные друг другом. Вернее, недоволен остался он. Даже возмущен, я бы сказал.

– Зачем тогда с ним нужно встречаться?

– Нам нужны деньги, Ева, – просто ответил Гай. – Я, разумеется, смогу их заработать, хотя в городе я сейчас, как бы помягче выразиться, персона нон грата. Но нам нужно сразу и много.

– Но у меня есть кредитная карточка, – пробормотала я. – Деньги, которые ты получил от Яна, помнишь?

– Можешь выкинуть ее в мусоропровод, – сообщил Гай спокойно. – А деньги перед этим переведёшь в какой-нибудь благотворительный фонд. Я думаю, что он может отслеживать их путь. Не знаю, каким-то шестым или десятым чувством он ощущает – его денюжки там-то и там-то. Все, что Ян сделал своими руками, он чувствует, как продолжение себя. Может, во сне это ему приходит, черт его знает... Возможно, у него в башке есть огромный и точный навигатор, который приводит его ко всему, что ему нужно. Это только теория, но проверять ее я бы не рискнул. Мы на мели, Ева, и с этим нужно что-то делать.

Это было сокрушительной новостью. Я жила без денег, и хорошо помню, что это такое. Но словам Гая о том, что от Яновых денег надо избавиться, я поверила сразу и безоговорочно. Мне и самой это приходило в голову.

Объявили посадку.

– Хорошо, Гай, будь по-твоему, – вздохнула я, поднимаясь с места. – И куда же мы должны отправиться?

– В Новосибирск.

ГЛАВА 5

Осколки прошлого

Не люблю я кладбища. В этом нет ничего удивительного. Наверное, сложно найти человека, который их любит, хотя я слышала мнение, что на кладбище, как нигде, ощущается спокойствие и безмятежность.

Как по мне, то странная это точка зрения. Лично мне на кладбище некомфортно и как-то тревожно.

Особенно после всех событий, связанных с Яном.

И все-таки время посетить могилу матери я нашла.

В Новосибирск мы с Гаем летели вечерним рейсом, поэтому я прямо из аэропорта попросила Гая захватить на кладбище.

Могилка выглядела чистой, как будто за ней регулярно ухаживали.

«Алина Петровна Ранг» было высечено на мраморе под фотографией.

Мама похожа на английскую леди, как я себе их представляю: благородство и нежность, доброта и сила характера.

Наверное, для всех детей их родители самые лучшие, но моя мать была просто потрясающе прекрасной.

Все говорили, что я очень на неё похожа, просто две капли воды, но, по-моему, они лукавили.

Ну, не могла же я быть настолько красивой!

На даты рождения, ни даты смерти на памятнике не значилось. Только фраза «Небо с тобой...».

Небо – да, а вот я – нет.

Проглотив в горле ком, я положила розы, купленные в ларьке у входа, на надгробие, мысленно попрощалась и пошла прочь.

Почему-то казалось, что я никогда больше не увижу этой могилы.

Отойдя пару метров, я увидела молодую женщину, идущую навстречу.

Она не обратила на меня внимания, зато я узнала ее с первого взгляда, хоть она изменилась: пополнела и покрасила свои каштановые волосы в чёрный цвет.

Обернувшись, я увидела, что она подошла к могиле, которую я только что покинула.

Хотела уйти, в машине меня ждал Гай, да и не было, наверное, смысла разговаривать с ней.

И все же я вернулась и окликнула:

– Анюта!

Сестра подняла голову, широко распахнула глаза и воскликнула:

– Ева! О господи, Ева!

Вот уж чего я никак не ожидала, так это того, что она крепко-крепко меня обнимет и примется тормозить изо всех сил:

– Ева, бессовестная девчонка, где ты была? Почему даже не поговорила со мной, прежде, чем уехать? Отец твоей подруги рассказал, что ты отправилась к дяде Косте в Белый Лог! Другой конец света! Где были твои мозги? Почему мне не рассказала, что тебя какой-то придурок преследует? Ева, я просто не могу поверить, что это ты! Какая же ты красавица, глаз не оторвёшь! Глупая, глупая, почему не позвонила?

– Ань, ты же помнишь наш последний разговор? – смущённая ее напором, пробормотала я. – Я подумала, что это все. Между нами легла пропасть.

– Ева, о, Ева! – Анюта стиснула меня так, что тяжело стало дышать. – Я так жалею обо всем, что тебе тогда наговорила! Ты оказалась права, а я последняя дура, что не поверила.

– Ты это сейчас серьёзно? – у меня глаза на лоб полезли. – Ты что... больше не с ним? И больше его не любишь?

– Нет, конечно, нет! Я даже видеть этого скота не хочу! – выпалила Аня возмущённо. – Так, вот что, я тебя больше от себя никуда не отпущу. Сейчас едем ко мне, тут на метро недалеко.

– Я на машине. С Гаем, – произнесла я и выжидательно посмотрела на двоюродную сестру.

Её реакция оказалась такой, как я и думала.

– Что? – округлила она глаза. – Я тебе сколько раз говорила, что нельзя с ним общаться? Ему только одно от тебя и нужно. Ева, ты маленькая несмышленная девочка, ты просто не понимаешь, что Гай с тобой хочет переспать, а потом выкинет и забудет!

– Это твои слова, или твоего обожаемого Антона? – сузила зрачки я. – Аня, опомнись! Три года прошло. Я совершеннолетняя. И могу делать, что захочу.

– Ой, да, прости... – как-то сразу сникла она. – Прости, Ева, я действительно перед тобой виновата. Очень виновата. Поехали ко мне, хорошо? Там и поговорим. Я тебе все расскажу. Ты мне все расскажешь. Как в старые добрые времена, помнишь?

Появлению моей двоюродной сестры Гай явно рад не был, а вот Анна, наоборот, разглядывала его с жадным интересом.

Гай подвёз нас к ее дому и сказал, что заедет за мной через два часа. Подниматься в квартиру он не захотел.

Помнил, наверное, как Анька со скандалами пыталась его от меня отвадить.

– Слушай, он вообще изменился! – восхищенно произнесла сестра, лишь мы зашли в подъезд. – Он был каким-то непонятным нищевродом, увлекающимся этими всякими реконструкциями, а стал таким шикарным мужчиной, что просто глаз не оторвать! Ты, что, с ним теперь? Ева, я хочу знать всё!

И вот я сижу на маленькой Анютиной кухне, которую помню ещё с детских лет. С тех пор здесь все поменялось: на месте старого советского гарнитура современная нежно-зелёная кухня со стойкой, массивный деревянный обеденный стол заменил стеклянный на металлических ножках, у окна ярко-синий детский стульчик для кормления.

Неизменным осталось только одно: идеальная чистота повсюду.

Я вспомнила, как Аня почти с первых дней моего появления в этом доме начала приучать к порядку и меня.

Трагедия в моей семье случилась, когда мне было пять.

В один самый обычный день, придя с работы и поужинав, мой отец взял в руки охотничье ружье и выстрелил в мою мать.

Я была там, но, слава богу, я этого не помню. Почти не помню. А если и что-то начинает всплывать, то я тут же загоняю эти воспоминания как можно дальше.

Потом отец сам вызвал полицию и спокойно дал себя арестовать. Перед этим он позвонил моей двоюродной сестре Аняте, которая была старше меня на пятнадцать лет, и попросил присмотреть за мной. На суде он свою вину полностью признал, и был осужден на двадцать лет колонии строгого режима.

Аня оформила надо мной опеку, забрала к себе и принялась воспитывать. Потом уже, когда я стала старше, она рассказывала, как тяжело было первое время, какие у меня случались истерики, как мне снились кошмары, и как я боялась одна засыпать в комнате.

И все-таки через год или два я отошла, если вообще можно отойти от того, что произошло.

Я была ребёнком, а дети все-таки быстрее забывают ужасные вещи, чем взрослые.

Так устроена детская память и это милосердно.

О такой старшей сестре можно было только мечтать. Она пыталась сделать все, чтобы я не чувствовала себя обделённой.

У меня хорошее детство, в нем было много солнечного света, отличных книг, качественной музыки, пиксаровские мультики с попкорном перед телевизором, парк аттракционов по субботам, много фисташкового мороженого, мурлыканье Анютиной кошки Глаши и задушевные разговоры с сестрой.

Все было здорово, правда, и я думала, что так будет всегда.

Когда мне исполнилось пятнадцать, Аня влюбилась в своего коллегу по работе Антона.

Влюбилась пламенно и страстно, и он, надо сказать, почти сразу ответил ей взаимностью. У него были какие-то жилищные проблемы, потому Антон очень скоро переехал к нам.

Я ещё не понимала, что над моей головой сгущаются тучи, и была искренне рада, что сестра обрела своё счастье. К тому же Антон мне нравился: он был открытым, улыбочивым, весёлым и очень внимательным. Дарил мне на праздники игрушки и шоколадки, всегда интересовался, как дела в лицее, не обижают ли мальчишки. Он был просто чудом, душой нашей маленькой компании.

Несмотря на все это, я уже тогда стала задумываться о переезде из Анютиной двухкомнатной обратно в квартиру своих родителей.

Я чуть-чуть ревновала, признаю это, и чувствовала себя третьей лишней.

Но Аня наотрез отказалась, а я, как всегда, уступила.

Они с Антоном тихо-мирно расписались, а вскоре выяснилось, что сестра беременна. Я уже представляла, как буду нянчить маленького племянника или племянницу, но что-то подсказывало, что идиллии пришёл конец. Сестру как подменили: она стала вспыльчивой, раздражительной и очень занудливой.

В конфронтации я не вступала, стараясь бывать дома как можно реже. Куда я только не ходила: в конный клуб, на реконструкции исторических событий, на танцы, мастер-класс по бильярду и даже в кружок хорового пения. На очередной встрече исторического клуба я познакомилась с Гаем.

Он был значительно старше меня, но в нем было столько искренности, чистоты и благородства, что меня потянуло к нему со страшной силой.

Никогда, ни разу, вот ни разочка Гай не предпринял в отношении меня пошлых намерений.

Я верила в то, что помыслы в отношении меня у него самые праведные.

Знала – это так.

Но сестре очень не понравилось, что меня провожает парень намного старше. А в подслушанном мной однажды разговоре Антон сказал Ане, что Гай явно хочет со мной переспать. Получить мою невинность и все на этом.

Сколько я не пыталась убедить сестру в обратном, она слушала только своего обожаемого мужа.

Но это можно было терпеть, встречаясь с Гаем тайком, пока все не осложнилось ещё сильнее.

На задворках нашего спального района Антон учил меня водить машину. Предложил он, и я была рада получать эти уроки. Садясь за руль, я ощущала себя взрослой самостоятельной женщиной.

Глупость, конечно!

А еще я быстро училась, делала большие успехи. Антон даже сказал, что если бы я сдавала экзамен, то выдержала его без единой ошибки.

Это тоже было приятно.

В общем, однажды во время такого урока, Антон нежданно-негаданно взял и поцеловал меня в губы. Это было громом среди ясного неба.

Нет, правда, я была просто убита.

Вообще-то я рассчитывала, что мой первый поцелуй будет с Гаем, который и прикоснуться ко мне боялся, а не с мужем собственной сестры.

Это было гадко, грязно и неприятно. А Антон улыбнулся своей обаятельной улыбкой и сказал что-то вроде: «Ну же, трогайся, чего ты замерла?». Как будто ни в чем не бывало.

С тех пор начались мои мучения – рассказывать сестре о случившемся или нет? Она так сильно любила Антона, что я просто-напросто разбила бы ей сердце. В общем, может, это и неправильно, но я решила молчать и позабыть о поцелуе.

Тем более Антон вел себя как обычно, сальными взглядами меня не окидывал, в душе за мной не подсматривал, только чересчур рьяно капал Анне на Гая, в подробностях описывая, что он хочет со мной сделать.

Вскоре Анна благополучно родила мальчика и стала такой как прежде: доброй, мягкой и весёлой.

Племянник, которого называли Артёмом, принёс в наш дом мир и гармонию. Я встречалась с Гаем тайком, но сестре, ушедшей с головой в заботы о сыне и в своё материнство, было уже, кажется, все равно.

Гром среди ясного неба грянул, как ему и полагается, совершенно неожиданно. Сестра на два дня уехала с Артёмом на дачу – стояло лето, в городе было жарко и пыльно. Антон остался в городе из-за работы, я сказала всем, что у меня экзамен в конном клубе, на самом же деле мы с Гаем собрались на весь день в Царицыно.

Все вышло очень банально – я переела своего любимого мороженого, и у меня заболел живот. Гай отвез меня домой раньше времени, и я застала Антона в постели с другой женщиной.

Ох, как же мерзко это было, бр-р!

Как ошпаренная, я выскочила из квартиры, даже не зная, куда бегу. Антон догнал меня на лестничной площадке – в расстегнутых джинсах и с голым торсом.

– Ева, ты же не расскажешь об этом Анечке? – спросил он, преградив мне дорогу и улыбаясь лучезарной улыбкой, от которой я не медля должна была растаять и сделать все, о чём он попросит.

– Расскажу, не сомневайся, – хмуро бросила, вызывая лифт.

– Евочка, ну, ты же умная девочка и не хочешь расстроить свою сестру, правда? – Антон приблизился ко мне, обдавая запахом жвачки и вина.

– Я обо всем ей расскажу. Отвали, придурок!

Мне даже рядом с ним находиться было противно.

– Советую прежде хорошо подумать, малыш, – проговорил мне вслед Антон, все так же улыбаясь. – А я ей скажу, что это ты в меня влюбилась, приставала, а теперь хочешь оболгать. Как ты думаешь, кому она поверит? Горячо любимому мужу или взбалмошной младшей сестрёнке?

В тот вечер я впервые за все время заночевала в квартире своих родителей. Как ни странно, мне не было страшно или что-то в таком роде.

Наоборот, я почувствовала себя дома.

Сукин сын оказался прав. Когда через день я приехала к Ане, чтобы поговорить, он уже провел с ней работу. Масштабы его лживости впечатляли.

Он заявил, что я давно к нему приставала, но он об этом не говорил, потому что не хотел волновать Аню.

Однако, когда она уехала с ребёнком на дачу, я перешла все границы: ночью голая залезла к нему в постель, соблазнила и приставала. Ему, бедному-несчастному, просто пришлось вышвырнуть меня из дома.

Аня поверила ему безоговорочно. Не хочу вспоминать, какими словами она меня называла. Я пыталась оправдаться, пыталась ей все объяснить, но она и слушать не хотела.

Воистину, любовь бывает слепа и глуха. В тот день все и обрушилось: Аня сказала, что я ей не сестра больше и что она видеть меня не хочет. Я потом несколько раз ещё пыталась поговорить с ней, надеясь, что она остыла и выслушает, но это было бесполезно.

Я перевелась в лицей поблизости от родительского дома, куда переселилась, и зажила одна. На тот момент мне уже исполнилось шестнадцать лет и особых затруднений в ведении быта не возникло.

Пенсию по потере родителей снимала с карточки.

Так же не было проблем и с органами соцзащиты, они только первое время ходили к Аняте и всё проверяли, а потом и дорогу забыли.

Какое-то время я страшно боялась, что меня упекут в детский дом, но потом успокоилась.

Это Россия, детка, здесь всем на всех наплевать.

В конце концов, в передачах по центральным каналам показывали истории намного страшнее моей.

Но это было как бы фоном, на котором развёртывались главные события моей жизни – отношения с Гаем. Я была настолько счастлива, что просто летала.

Ни разу в своей любви ко мне он не скатился в пошлость.

У него тоже были проблемы: он не рассказывал, но я знала, что его отец пил, он работал на двух работах, платил кредиты за родителей, ходил в изношенных вещах, но, не смотря ни на что, Гай оставался моим рыцарем без страха и упрёка.

Потом он пропал без вести.

А потом в моей жизни появился Ян.

Первое время я порывалась обратиться за помощью к Аняте, но всякий раз перед глазами вставало покрасневшее лицо сестры, ее искривлённый рот, выкрикивающий: «Шалашовка! Проститутка малолетняя!» и это желание куда-то пропадало.

Я стала пытаться найти выход сама.

– Знаешь, почти сразу после того как... как я выгнала тебя, – запнулась Аня, – жизнь пошла наперекосяк. Мы с Антоном как-то отделились, я все время была с Тёмой, а он на работе... Потом он и вечерами стал пропадать, но я не верила до последнего, что он мне изменяет. Вот честно, как будто шоры на глазах были. Я ведь сильно его любила. Он казался самым великолепным, лучшим, замечательным! Ты же знаешь, он умеет быть таким обаяшкой, что не оторваться. Ну и вот, приходит он в один прекрасный день и говорит, что бросает меня. Все было так трогательно и мило! Я даже сама себя виноватой почувствовала. Что растолстела после родов, превратилась в этакую домохозяйку... Короче, потом ещё хлеще! Выяснилось, что он к подруге моей лучшей ушел! К Наташе Орской, ты, может, помнишь? Блондинка такая, модельной внешности. Что я тогда пережила – и врагу не пожелаешь. Когда тебя бросает мужчина – это такая боль... такая... Дай бог тебе никогда не испытать этого, Ева.

Аня замолчала и затаилась тонкой ментоловой сигаретой. Мы стояли на балконе, и я слушала ее невесёлый рассказ.

– А Тёма где? – спросила я.

Хотелось увидеть племянника.

– С Тёмкой подружка моя сидит, пока я на двух работах, – ответила сестра. – Ева, я ведь тебя потом искала! Когда поняла, какой Антон мерзавец и как он тебя оболгал. Ну, пыталась найти. Мне удалось выйти на отца твоей подруги. Он рассказал, что тебя стал преследовать какой-то странный поклонник, и ты уехала от него к брату твоего отца аж в Белый Лог. Я позвонила по оставленному тобой номеру этого самого дяди...

– Что? – моему удивлению не было предела. – Ты звонила дядюшке?

– Да, – кивнула Аня, поёжилась и затушила сигарету. – Только он со мной очень холодно разговаривал. Сказал, что ты живешь у него, вы прекрасно ладите, и он даже тебя в элитную академию устроил. Ты там учишься, у тебя все прекрасно и вообще. Прозрачно намекнул, чтобы я в твою жизнь не лезла, так как, судя по всему, до этого тобой особо не интересовалась. Это он так сказал. Скажи, тебе, правда, у него так хорошо, как он описал? Просто по голосу этот брат твоего отца какой-то хам и сноб.

Вот это оказалось для меня действительно сюрпризом!

Дядюшка и словом не обмолвился, что ему звонила Аня.

Надо же, и ведь наплёл ей, что у меня все прекрасно.

Вот подлец! Интересно, зачем ему это было надо? Не хотел лишаться исполнительной служанки?

– Хам и сноб, – усмехнулась я. – В точку.

– Ева-Ева... – сестра, не отдавая себе отчёта в том, что делает, выбила ещё одну сигарету из пачки. – Чувствую, несладко тебе пришлось. Я тебя бросила совсем одну.

– Ладно, давай забудем... – произнесла я и с удивлением поняла, что говорю чистую правду. – Я понимаю, любовь и все такое. Там, где замешана любовь, я могу понять.

Обида на неё давным-давно прошла.

Тем более глупо было держать зло теперь, когда моя жизнь катилась в тартарары.

– Чувствуется знание вопроса, – заметила сестра. – Гай очень изменился. Я помню его парнем в вещах не по размеру, который провожал тебя. Он превратился в настоящего мужчину. Даже я от такого бы не отказалась. Прости, шутка, наверное, неудачная? Просто я мать-одиночка и ухажёры ко мне, знаешь ли, толпой не выстраиваются... А он... Он стал обалденным. Ты любишь его? Ты с ним?

– Нет, – покачала я головой и вдруг поняла, что честна не до конца. Что-то к Гаю в моём сердце, безусловно, осталось. – Не знаю... Я ничего не знаю. Есть ещё один человек. Сначала он меня ненавидел, а потом признался в любви. Хотя, вполне возможно, сейчас он меня опять ненавидит. Скоро я его увижу...

– Ой, сестрёнка, я всегда знала, что ты будешь кружить мужские головы, – засмеялась Аня, но потом резко помрачнела. – Но я и не предполагала, что ты начнёшь в таком нежном возрасте. И первым будет мой собственный муж.

У меня на языке крутилась фраза из культового фильма «Бриллиантовая рука», но я промолчала.

Это было бы слишком резко и совсем не к месту. Хотя Аня и пыталась иронизировать по поводу своего бывшего мужа, было видно, как нелегко ей это даётся.

– Кобель необыкновенный он был, этот твой Антон, – со злостью выпалила я, вспомнив, как он догнал меня в подъезде, виноватый, но в то же время довольный, как кот, объевшийся сметаны. – Забудь его уже. Все у тебя будет хорошо, и ты встретишь нормального мужчину.

– Только похудеть надо, – добавила сестра, шмыгнув носом.

– Необязательно, – воздела очи к потолку я и мы одновременно засмеялись.

Мы смеялись вместе совсем, как раньше.

– Ладно, а теперь перейдём к главному, – произнесла Аня торжественно. – Я предлагаю послать тебе к чертям этого белологского дядюшку и остаться у меня. А что, Ев? Оставайся, правда! Представляешь, как будет здорово? Ты, я и Тёмка!

Удар под дых.

Вот это было такое.

Я закрыла глаза и покачала головой.

Аня расстроено принялась расспрашивать меня, почему я отказываюсь. Что я могла ей ответить?

Что за мной охотится выживший из ума маньяк, принц Миткаль? Что я не могу подвергать опасности ее и её сына? Я не могла рассказать сестре про Яна, просто не могла.

Ей не нужно было это знать.

– Слушай, Ева, я спросить хотела... – замаявшись, произнесла Аня. – Ты... А ты не общаешься со своим отцом? Ну, ты не хотела бы...

Сложный это был вопрос, очень сложный. Я привыкла думать, что отца у меня нет.

Я даже не хотела знать, почему он тогда выстрелил.

Размышлять о смерти матери было выше моих сил. Эта шкатулка хранилась на самом дне моей души, обмотанная для верности цепями.

– Нет... Нет, конечно! – помолчав, произнесла я. – Поступок этого человека настолько жуткий, иррациональный... просто жестокий, что, думаю, его и отцом-то называть нельзя. Он и сам за все эти годы ни разу не попытался со мной связаться. Наверное, вообще забыл, то у него есть дочь. Мне больно о нём говорить, но боль эта застарелая, как шрам, который уже давно зарубцевался. Анют, он сумасшедший, наверное, раз ни с того ни сего выстрелил в маму. А сумасшествия в моей жизни и так, поверь, достаточно.

– Ева, я много думала об этом, – сказала Аня, разливая чай в чашки. – Понимаешь, это не похоже на него. Он всегда был такой спокойный, рассудительный. И вот ещё что... Я тебе никогда не рассказывала, но незадолго до убийства он упоминал, что твоя мать стала вести себя странно.

– Что значит странно? – вскинулась я. – Уж не хочешь ли ты сказать, что у него был повод пристрелить ее? Аня, такого я от тебя не ожидала!

– Нет, что ты! – испуганно замахала руками сестра, чуть не опрокинув чашки с кипятком. – Просто, понимаешь, все это как-то необычно. Он на суде вообще отказался мотивировать, почему убил ее. Ни одной причины не назвал. Просто молчал.

– Не вижу ничего странного, – перебила я. – Ань, мне, честно, неприятна эта тема.

– А когда ты поехала в Белый Лог, ты знала, что твои родители оттуда родом?

– Как так? – опешила я. – Они же москвичи коренные. А дядя просто туда уехал из Москвы по распределению из института, да там и остался.

– Я думала, ты знала, потому туда и поехала, – удивилась Аня. – Твои родители, наоборот, родились и познакомились в Логе и там же расписались. А потом что-то у них случилось, и они переехали в Москву. Погоди, у меня остались документы.

Аня ушла и через некоторое время вернулась с коробкой из-под обуви.

Я знала, что там она хранит старые документы, но никогда туда не лазила.

Онемевшими пальцами я взяла зелёное советское свидетельство о рождении моей матери.

В графе «Место рождения» каллиграфическим почерком было вписано «Белый Лог».

Аня молча протянула мне свидетельство о заключении брака между моей матерью и отцом, в котором значилось, что расписались они в белологском ЗАГСе.

– Ева, тебе плохо?

– Почему ты никогда не говорила, что родители не местные?

Мне казалось, что земля уходит из-под ног.

– Я не знаю... – пожала плечами Аня. – Разговор как-то не заходил. Да и они, когда ещё все было нормально, об этом вспоминать не любили. Что-то у них там произошло. Тебе разве дядя ничего не рассказывал?

– Не рассказывал, – эхом отозвалась я. – Но расскажет.

Я была оглушена, ошарашена, совершенно сбита с толку. Я всегда думала, что мои родители родились, познакомились и поженились в нашем городке. И дядя тоже отсюда, он ведь родной брат моего отца.

Стоп! Получается, дядюшкин дом – это и дом моего отца, в котором они вместе выросли... А моя мама...

Где жила она?

От нахлынувших мыслей у меня даже голова закружилась.

Не может этого быть, просто не может!

– Что она там с тобой сделала? Два часа полоскала мозги тем, какой я негодяй? – проворчал Гай, когда я села в машину. – У тебя такой вид...

Я, молча, протянула ему документы. Гай взглянул на них и присвистнул.

– Все ниточки ведут в Белый Лог. Я помню, что ты очень не любишь касаться темы родителей, но я бы на твоём месте поговорил с отцом.

– Я даже не знаю, в какой он тюрьме сидит, – кусая губы, сказала я. – Может, он вообще умер...

– Это можно выяснить. Можно даже свидание устроить.

Не знаю, какой реакции он ожидал.

Я промолчала.

Мир, в который раз рушился вокруг меня: с треском разламывались здания, падали, вывернутые с корнями, деревья, почва скользила и разъезжалась под ногами.

Мои родители родом из Белого Лога!

Из этого странного города, молчаливо хранящего свои тайны.

Но теперь, клянусь, они будут разгаданы.

Все до одной. Как бы сложно это не было.

– Я попробую по своим каналам узнать обстоятельства убийства твоей матери, – покосился на меня Гай. – Сколько лет прошло? Двенадцать?

До чего же я этого боялась! Мало того придется ворошить страшные события из моего детства, так ещё об этом во всех подробностях узнает Гай. Эта мысль почему-то была неприятна.

– В сентябре будет тринадцать. Останови у зоомагазина, пожалуйста!

– Зачем? – Гай, кажется, удивился не столько моей странной просьбе, сколько резкому переходу от темы родителей.

– Я хочу забрать своего кота. Надо купить переноску, корм и лоток.

– Кота? Что-что?

– Ну, после твоего исчезновения мне было очень одиноко и плохо, и я завела себе кота, – скороговоркой выпалила я. – Когда уезжала в Белый Лог, то пристроила Манча к подруге. А сейчас я хочу забрать! Я уже с ней договорилась.

– В самолёт нас с котом не пустят, – мягко произнёс Гай.

Возможно, в этот момент он решил, что после всего пережитого я немного тронулась умом. Допускаю, что мои объяснения про Манчкина звучали путано и инфантильно.

Наверное, Гай никогда не сможет понять, что Манч помогал мне справиться с тоской.

– Я знаю, что не пустят. Я просто сейчас хотела купить все необходимое, чтобы уже лежало у тебя в машине. Мне так спокойнее будет. Ну, и увидеть его до отлёта в Новосибирск. А когда мы поедem в Лог, то заберём его.

– Думаю, мне не стоит объяснять, что Ян может сделать интересного с твоим любимым котом, – произнёс Гай хмуро.

Но, как ни странно, отговаривать меня не стал. И про то, что везти Манча в Белый Лог – глупая идея тоже не сказал.

В глубине души я и сама понимала, что не время сейчас забирать свою живность.

– Пусть только попробует что-то сделать с моим котом, – выпалила я решительно. – Я самолично тогда его прибью!

Гай ничего не сказал, но через некоторое время притормозил у «Зоостраны» – огромного гипермаркета товаров для животных.

Я с удовольствием выбрала для Манча синюю лежанку, стильную синюю переноску, огромный пакет корма, лоток и мешок с гелиевым наполнителем. Гай загрузил все это в багажник, и мы поехали к Иришке.

В школе мы с ней неплохо общались, и хотя близкой подругой я ее назвать не могла, когда встал вопрос, куда девать Манча, она с радостью согласилась его взять на долгий срок.

Ирина всегда мечтала о кошке.

Судя по голосу, моему звонку бывшая одноклассница не особо обрадовалась. Это впечатление подтвердила откровенно натянутая улыбка, когда она открыла нам с Гаем дверь. Посторонившись, пропустила в квартиру, но в комнату не пригласила.

Вынесла моего коротколапа прямо в коридор.

– Манч! Манчкин! – позвала я, протянув к нему руки. – Привет, мальчик мой любименький... Кто мой самый лучший котик? Конечно же, ты – мой самый лучший котик! Это же я! Я вернулась за тобой!

Но кот повел себя странно. Он никак не желал идти ко мне, и всё норовил вернуться обратно к Ирине.

– А ты прямо сейчас хочешь его забрать? – воюя с котом, поинтересовалась она. – А ты... ну, уверена?

– В смысле? Конечно, уверена! Манч, да что с тобой такое? Ты не узнаёшь меня?

И тут мой добрейший и беззащитнейший на свете кот, глядя прямо мне в глаза, горланно зашипел.

Я никогда в жизни не слышала, чтобы он шипел!

Шепча какие-то ласковые и успокаивающие слова, я потянулась к коту.

– Не надо, Ева, – Гай резко дёрнул меня назад.

Вовремя – если Гай этого не сделал, Манчкин бросился мне на лицо. Так он просто сильно оцарапал мою руку, которой я инстинктивно успела заслониться.

Следы когтей на коже быстро налились кровью.

– Пойдём отсюда, – Гай резко дёрнул меня за локоть и обратился к Ирине. – Извините, что мы вас побеспокоили.

Выглядел он при этом не особо любезно.

Я попрощалась с Ириной, навсегда запомнив запах выпечки, витающий по ее маленькому уютному коридорчику, ее розовые тапочки в виде весёлых бегемотов, ее заспанного симпатичного парня, выглянувшего из спальни на шум и то, как она прижимала к груди моего Манча, а он блаженно щурился от удовольствия.

Я ещё раз позвонила в эту дверь, и когда Ирина открыла мне уже с откровенно недовольным видом, я сунула ей все то, что с такой любовью выбирала для своего кота.

Своего бывшего кота.

– Ты так по-детски воспринимаешь некоторые вещи, Ева, что это просто очаровательно, – сказал Гай через некоторое время, припарковав машину на одной из парковок поблизости Домодедово. – Это всего лишь кот. Нет ничего удивительного, что за год он тебя забыл. Я куплю тебе кота. Такого же коротколапого, если хочешь. Хочешь – сфинкса, хочешь – британца.

– Не надо, – я отвернулась и проглотила ком в горле. – Пойдём.

ГЛАВА 6

Музей смерти

Рейс задержали на час. Гай отошел, чтобы позвонить своему знакомому из полиции (у него везде были знакомые), а я от нечего делать залипла в планшет.

Бесплатный вай-фай в аэропорту был, и мне удалось подключиться к Интернету.

Я попыталась найти сайт Ивановского завода по производству перкалей, но всезнающий Гугл так ничего и не выдал.

Побродив по каким-то маловразумительным сайтам и почитав про перкаль все, что я уже знала, я достала наушники, чтобы послушать музыку, но остановилась.

В голову пришла мысль поискать в соцсетях Влада.

Ни на что особо не надеясь, я ввела его имя, фамилию и город в поисковике. Результат в одной из самых популярных соцсетей вышел сразу же.

Влад Змейский, Белый Лог.

С участвовавшим стуком сердца я прикоснулась пальцем к экрану и перешла на его страницу.

Фотографию для аватарки Влад выбрал неудачную, хотя она и была профессиональной. Он стоял на фоне какой-то серой стены в костюме и выглядел откровенно непривлекательным, хотя в жизни его нельзя было назвать некрасивым.

Возможно, фото отталкивало из-за недоброго взгляда холодных синих глаз. И да – бежевый галстук абсолютно не шёл ему.

Владу вообще не шли галстуки.

Три лайка под единственным изображением, семь друзей и песня «Мертвых дельфинов» в статусе. Я вставила наушники, намереваясь послушать, но не смогла – для этого действия надо было быть авторизованным пользователем, а я в связи с последними событиями в соцсетях зарегистрирована не была. Пришлось создавать аккаунт под именем «Eva R». Фотку добавила свою, из Греции, но там я щелкнула себя вполборота на фоне моря, и лица за развевающимися волосами видно не было.

«Мертвые дельфины»... Какое печальное название группы! Я закрыла глаза и нажала на воспроизведение.

Пока слушала песню,

Влад появился онлайн. Я отчего-то жутко разволновалась.

Бог мой, а ведь я могу написать ему!

От этой мысли стало страшно, но в то же время впереди как будто забрезжила надежда. Я прямо сейчас могу ему все объяснить!

Я открыла его видео и аудиозаписи.

Видео было только одно – фильм «Орел и решка» с Кириллом Пироговым. Мне, кстати, этот фильм тоже безумно нравился.

А еще у Влада был «Король и Шут» «Сплин».

Очень много сплина...

На моих глазах статус Влада Змейского сменился с песни Мёртвых Дельфинов на песню Александра Васильева «Прочь из моей головы».

Как он отреагирует, если ему прямо сейчас придет от меня сообщение? Обрадуется, пошлёт к чертям или проигнорирует?

А, может, вежливо ответит, что уже давно забыл меня, и чтобы я не утруждала себя никому не нужными объяснениями?

В нерешительности я открыла его стену.

Он была почти чистой, он не делился никакими записями, не лайкал забавные картинки.

Единственный его лайк – ссылка на какую-то недавно вышедшую научную книгу. Пособие для студентов ВУЗов «Малоизученные легенды народов мира. Генезис», автор – В.В. Змейский.

Так это же его книга! Надо же, Влад написал учебник.

Молодец какой!

В своем деле Влад профи, этого у него не отнять.

Прочь из моей головы,

Пока я по тебе не проехал катком!

Музыка для меня важна, я очень многие вещи воспринимаю через музыку. О ком ты сейчас думаешь, Влад?

Может, о какой-то другой женщине? Так было бы лучше для всех, и для тебя в первую очередь, видит бог...

Но мысль, что он может думать о другой, неприятно кольнула.

Мне хотелось, чтобы Влад думал обо мне.

Я открыла поле «Написать личное сообщение Владу Змейскому».

Кончики пальцев подрагивали. Глядя на мигающий перед пустым пространством курсив, подумала, что это неправильно. То, что я собиралась сказать ему, говорят в глаза, а не на расстоянии.

Все-таки я успела набрать непослушными пальцами «Здравствуй...», как вдруг пришло сообщение. Меня кинуло в жар.

Неужели Влад сам написал мне? О, господи!

Здесь ведь не видно, кто заходит в твой профиль! Может, я случайно что-нибудь лайкнула у него на странице?

Но сообщение было вовсе не от Влада, а от пользователя по имени Ванечка-дурачок с клоуном из фильма «Оно» на аватарке.

В сообщении было лишь: «Пйивет, пйинцесска» и вложенная видеозапись.

Планшет чуть было не выскользнул из моих ослабевших рук. Сердце забилося в бешеном темпе, а на лбу выступила ледяная испарина.

Я знала, что этого делать не надо и ничего хорошего я там не увижу, и всё же нажала на воспроизведение.

Во весь экран передо мной возникло лицо Яна.

– Пйивет, пйинцесска! – паясничая, прокартавил он и по-птичьи склонил голову набок. – Наконец-то мы сможем общаться с тобой, даже находясь далеко друг от друга, моя звёздочка! Жалко, что мы с тобой не искупались там, у маяка. Гольшом, среди рыбки и червячков, почти как в лепестках розы, ты не находишь? Ну да это ничего, когда мы поженимся, я сделаю тебе романтическое свидание. Ты же кошечек любишь, как насчёт бассейна с новорожденными слепыми котятами? Представляешь, маленькие копошащиеся в кипятке тельца и мы вдвоем – голые и счастливые. Нам будет вместе сладко, принцесска, слышишь, сладко!

Специально чётко выговорив «р», Ян выкатил язык, повозил по нему пальцем, опустил его ниже и отогнул ворот своей майки в пошлом жесте, обнажив свою бледную, как брюхо рыбы, грудь с парочкой длинных кудрявых волос на ней.

Я хотела и не могла оторвать взгляд от его глаз, точно поддёрнутых мутной плёнкой.

Кривляясь, он чуть-чуть отодвинулся от камеры, и я увидела за его плечом угол зеркала, по краю которого горели маленькие круглые лампочки.

Перед этим зеркалом стояло массивное кресло, на котором, запрокинув голову, сидел парень в расшитом серебристыми узорами черном камзоле. Пустой взгляд раскрытых глаз упирался куда-то вверх, а шея была распорота огромной золотистой брошью.

У ног парня валялся плащ, который эта брошь, наверное, должна была скреплять.

– Ну а пока, моя сладкая, сладкая, сладкая, я наслаждаюсь сладостью без тебя, – протянул Ян и танцующим шагом подошел к мертвецу.

В левой руке, которую он перед камерой не показывал, у Яна была зажата открытая банка сгущёнки. Классическая металлическая баночка с синей этикеткой.

Он подставил ее под бордовую струю, медленно вытекающую из шеи парня. Кровь смешалась со сгущенкой, окрасив содержимое баночки в мразотно-коричневый цвет.

Ян поболтал там пальцем и поднёс банку к губам. Не дыша от отвращения, я видела, как движется его кадык.

В три глотка осушив банку, Ян отбросил ее и приблизился к камере. Его губы, кожа вокруг рта и майка были в липкой буровой смеси сгущенки и крови.

– Признайся, обсосала бы сейчас, принцесска? – Ян выставил вперед испачканные пальцы, после чего отогнул ими пояс своих светлых джинсов и указал вовнутрь. – А там?

Я принялась неистово стучать пальцем по крестик, чтобы закрыть окно, но Ян набросил на экран сероватую ткань миткаля, и на этом видео кончилось. Сунув планшет в сумку, точно это был ядовитый паук, я бросилась к Гаю и изо всех сил вцепилась в его руку.

– Я перезвоню, – сказал невидимому собеседнику Гай, нажал отбой на сотовом и схватил меня за плечи.

Ничего не говоря, я сунула ему планшет, избегая смотреть на экран. Гай хмуро наблюдал за ломаниями Яна на камеру, пока в кадре не показался труп с распоротым горлом.

– Это гримёрная, – заметил он отстранённо, остановив видео и внимательно разглядывая картинку. – А парень... Никита Заболотский.

– Какой ещё Никита Заболотский? – поперхнулась я. – Ты что, его знаешь?

– Актер, – пояснил Гай, не отрывая глаз от экрана. – Молодой, но очень популярный. Тысячи поклонниц и все такое... Ян в Москве, Ева. Я не думал, что он так быстро отыщет нас. Надо посмотреть новости.

Лишь только Гай открыл закладку у меня в браузере, мне в глаза бросилась первая же строчка в новостной ленте: «Никита Заболотский найден мертвым в своей гримёрной перед спектаклем, в котором должен был сыграть Ромео». На прикрепленном фото, где он был ещё жив, был изображен молодой красивый парень, лицо которого показалось знакомым.

Я припомнила, что действительно видела его в нескольких сериалах и даже в российской романтической комедии в главной роли.

Не стала читать первые подробности убийства. Я и так все знала. Перед глазами стояло мертвое лицо Никиты, а в ушах стоял противный голос Яна. Я вспомнила, как он пил кровь, смешанную со сгущенкой, и меня чуть не стошнило.

– Зачем ты опять прокручиваешь это видео? – раздражённо поинтересовалась я у Гая. – Нравится смотреть на своего бывшего хозяина?

– Он отлично выглядит, – заметил Гай, как будто не обратив внимания на то, что я хотела уязвить его.

Я и сама понимала, что поступаю неправильно.

Раз мы теперь в одной связке и я ему поверила, нельзя постоянно напоминать о прошлом. Но я была испуганна, растеряна и зла.

– Заболотский отлично выглядит?

– Ян. Он смотрится ещё более сумасшедшим, чем всегда, но в то же время энергия из него так и хлещет.

– Ну и что из этого?

– Ничего для нас хорошего. Он надел шутовской колпак, значит, будет веселить. А что такое веселье в его понятии – лучше тебе не знать.

– Ты зато хорошо знаешь.

– Послушай меня, Ева, – Гай крепко сжал мои плечи и притянул к себе. – Хотя я и выполнял его поручения, контактировал с ним очень редко. Никогда перед ним не заискивал. Не был на одной ноге. На моих руках нет крови, я никого не убивал. Если ты веришь, что я пожалел, что вообще связался с Яном, то должна верить до конца.

– Отвали! Смерти всех тех людей на твой совести!

– Зачем ты тогда вообще со мной связалась? – резонно спросил Гай. – Разбиралась бы с этим психом в одиночку.

– У меня не было выбора.

– Я тоже так думал, – усмехнулся Гай. – Но выбор есть всегда.

И все же, несмотря ни на что, я вдруг ощутила спокойствие, сидя рядом с ним в салоне самолёта. И почему-то даже не казалось, что я увижу сейчас Яна, хотя до этого он мерещился мне на каждом углу.

Не знаю, возможно, на меня все-таки стала действовать окружающая Гая аура уверенности и силы.

– Почему ты думаешь, что этот человек в Новосибирске даст тебе денег? Раз он, судя по всему, на тебя так зол... Может, вообще тебя не ждёт.

– А кто сказал, что я собираюсь занимать? – вопросом на вопрос ответил Гай.

– Только не говори, что собираешься его ограбить.

– Все-таки ты слишком плохого обо мне мнения, – Гай усмехнулся. – Я всего лишь хочу заключить небольшую сделку, выгодную для обеих сторон. Он, кстати, намного больше меня заинтересован. Так что все честно.

Самолет вырулил на взлётную полосу.

Мне очень нравятся эти ощущения, когда огромная машина, послушная пилоту, отрывается от земли.

– Тебе совсем не страшно лететь? – спросил Гай. – Самолёты же иногда падают. Или взрываются. Нет ощущения, что когда ступаешь на борт, от тебя уже ничего не зависит?

– Что-то в тебе я тоже страха не наблюдаю. Нет, мне совсем не страшно. Раньше, до Яна, наверное, было бы не по себе, но сейчас нет. Возможно, я теряю чувствительность.

– Это не так, – ответил Гай и одарил меня таким взглядом, что я отвернулась и покраснела.

Да уж, потеряешь с таким чувствительность. Когда он смотрит вот так, я думаю о его внимательных тёмно-зелёных глазах, о его мрачной ухмылке, о сильных мужских руках.

Интересно, о чём в этот момент думает он?

Свет в салоне немного приглушили, я устало закрыла глаза и очень быстро задремала.

Мне приснилось, что я иду по лесу. Солнце и изумрудная листва – больше ничего в том сне не было. Ни Яна, ни малейшей тревоги. Наоборот, было ощущение, что Ян очень далеко отсюда, дальше, чем можно себе представить.

Возможно, безмятежность этого сна была обманчивой. Я долго шла, пока впереди не показался просвет.

– Ева, просыпайся, посадка, – голос Гая помешал подойти ближе и увидеть, что скрывается за деревьями.

Классика жанра – открыв глаза, я обнаружила, что спала, положив голову Гаю на плечо, спасибо хоть, не обняла его во сне.

Было около семи утра, а Гай сказал, что нас ждут к девяти.

Я чувствовала себя невыспавшейся и все время зевала. Мне срочно нужно было выпить кофе, и я предложила Гаю сходить в небезызвестный фаст-фуд. Можно сколько угодно ругать тамошнюю еду, но нужно признать, что у них очень вкусный кофе, и плевать, из чего он сделан.

Гай возражать не стал, к тому же ближайший оказался буквально в пяти шагах от здания аэропорта.

Я заказала свой любимый латте, гамбургер с сыром, пирожок с абрикосом, а ещё мне почему-то страшно захотелось мороженого.

Гай себе взял только кофе. Хотя мы были первыми посетителями, ждать пришлось довольно долго.

– Не понимаю, что люди находят в этой еде, – заявил Гай, немного насмешливо за мной наблюдая. – По-моему, здесь все какое-то безвкусное.

Есть девушки, которые умеют есть мороженое соблазнительно, даже эротично, но я не из их числа.

В Интернете гуляет соответствующий комикс «Как едят мороженое обычные девушки, и как ем его я».

Эта картинка сто процентов про меня.

– Очень даже вкусное, – обиделась я за свою любимую сеть. – А тебе только изыски какие-нибудь подавай!

– Не надо мне никаких изысков, – отозвался Гай. – Люблю хорошо приготовленное мясо и качественный алкоголь. На этом все. Так что в еде я не особо привередлив.

– Чему, наверное, весьма обрадуется твоя будущая жена, – добавила я.

Гай засмеялся и ничего не ответил.

А я снова принялась за мороженое.

Через час Гай поймал такси, назвал адрес, и мы куда-то поехали. Может, таксист вез нас какими-то окольными дорогами, но, судя по тому, что я увидела из окна, Новосибирск показался каким-то серым и неинтересным. Наконец, машина выехала в пригород и вскоре остановилась у какого-то симпатичного здания, крашеного приятной оранжевой краской.

Гай расплатился и открыл передо мной дверцу, намереваясь помочь мне выйти из машины, но я словно приросла к сиденью, потому что прочитала кованную вывеску, висящую на красивом здании.

– Крематорий? Зачем ты притащил меня в крематорий? Ты псих, Гай!

Таксист с интересом на меня покосился.

– Может, выйдешь уже из машины, и я всё тебе объясню? – мягко поинтересовался Гай. Я не стала возмущаться и сделала, как он сказал.

Наверное, у него все шло по плану, но, черт побери, я была шокирована.

Я думала, мы встретимся со знакомым Гаей где-нибудь в парке, в кафе, на худой конец, у него дома.

Но не в крематории же!

Дальше круче – мы обошли оранжевый крематорий по периметру, и за ним оказалось ещё большее по размеру здание, выстроенное полукругом. Территория здесь была ухоженной и благоустроенной: аккуратно подстриженная трава, клумбы с яркими цветами, фигурная тротуарная плитка и ажурные скамеечки повсюду.

«Музей мировой погребальной культуры» – было написано на камне перед входом в здание.

Гай, ничуть не смущаясь, направился вперёд.

Приглядевшись, я поняла, что какие-то большие разноцветные фигуры, выставленные в ряд на площадке рядом с вывеской, не что иное, как гробы, сделанные в виде рыбки, лимузина, кукольной коробки и даже белого торта.

– Мило, – заключила я и двинулась вслед за Гаем.

Объявление у двери гласило, что музей работает с десяти до шести и двери были закрыты, однако Гай, несколько не смущаясь, постучал в дверь кольцом-ручкой, сделанным в форме черепа.

Открыли нам почти сразу.

На пороге музея смерти стоял невысокий полноватый мужчина лет пятидесяти с большими залысинами и очень интеллигентным лицом. Одет он был в тёмные брюки, тёмно-фиолетовую рубашку и вязанную чёрную жилетку.

В целом этот господин произвёл впечатление приятного и достойного человека.

– Не думал увидеть вас здесь, Гай Григорьевич, – мягко улыбнулся мужчина. – О, да вы ещё с такой очаровательной спутницей! Проходите.

Интерьер фойе, как впрочем, и всего музея был выполнен в стиле богатого викторианского особняка.

– Как видите, Пётр Алексеевич, я все-таки принял положительное решение, – ответил Гай.

– Право, не ожидал. Думал, вы со своей добычей не расстанётесь, – произнёс Пётр немного иронично.

– Смотря с какой, – односложно ответил Гай.

– Да, ловко вы тогда на аукционе в Лондоне увели его у меня из-под носа, – добродушно улыбнулся собеседник. – Представьте, пожалуйста, эту леди. Похоже, она пребывает в шоке от моих владений. Это ваша невеста?

– Для того, чтобы быть невестой, она слишком мне не доверяет, – хохотнул Гай. – Ева Ранг – Петр Алексеевич Скоробогатов, владелец крематория и музея. Кандидат в доктора исторических наук. Известный новосибирский миллионер и меценат.

– Вообще-то уже доктор, – поправил Скоробогатов. – Ева – красивое имя и вам очень идёт, – промолвил он и поцеловал мне руку. – Рад познакомиться, мадмуазель.

–Взаимно.

Его старомодная галантность пришлась мне по душе, и вообще почему-то Скоробогатов располагал к себе, хотя приятного в местах, которыми он заведовал, было мало.

А уж о весёленьких гробах я и не говорю – только человек с большой фантазией мог сделать такое.

– Вижу вы полны скепсиса, барышня. Давайте я самолично устрою вам экскурсию по моему музею, и, клянусь, после неё вы измените своё отношение к смерти! Не беспокойтесь, Гай Григорьевич, много времени не займу, мы решим все наши деловые вопросы. Просто, честно говоря, я очень давно не общался с такими юными и очаровательными особами, как вы, Ева.

Приобщение к погребальной культуре – удовольствие сомнительное, но мне не хотелось обижать Скоробогатова и к тому же вдруг сделалось интересно, поэтому я утвердительно кивнула.

– Как будто тебе Яна мало, – шепнул мне Гай, но, пожалуй, и он выглядел заинтересованным.

– Во времена средневековья к смерти было иное отношение, чем сейчас, – начал Пётр Алексеевич. – К ней относились как к совершенно обыденному делу, и многие люди даже пытались обставить смерть стильно. Если, конечно, такое выражение вас не оскорбит, сударыня. Взять, например, английскую королеву Викторию, которая большую часть своей жизни проходила в трауре, и, надо вам сказать, делала это изящно и красиво. Она-то и задала тон эстетике траура как искусству изящной скорби.

Я разглядывала представленные под стеклом траурные украшения из каменного угля и бижутерию из волос покойников, которые действительно можно было назвать утончёнными. От манекенов, одетых в роскошные траурные платья мне стало не по себе, и все же я не могла не признать, что чёрный шёлк, кружево, батист и атлас выглядят элегантно.

– А вот совершенно шокирующее и удивительное в наши дни явление, впрочем, совершенно обыденное для викторианской Англии, – сообщил Скоробогатов, подведя нас к стенду со старинными фотографиями.

Что-то странное и страшное было в лицах людей, глядящих с них. Вернее, не глядящих. Неужели все эти люди...

– Пост мортем, – проронил Гай негромко.

– Всё-то вы, Гай, знаете! Ничего, что я без отчества? – улыбнулся хозяин музея и обратился ко мне. – В свое время был такой жанр посмертной фотографии, на которой умерший человек должен максимально походить на живого. Скорбящие родственники заказывали фото мертвеца, чтобы сохранить в памяти его черты. Очень много детских фотографий, ведь в то время была высокая детская смертность. Умершего ребёнка одевали в праздничный наряд, обкладывали игрушками и фотографировали. Иной раз дорисовывали открытые глаза, что выглядит, как вы видите... своеобразно... Вот тут, кстати, у меня представлен специальный штатив, который удерживал тело в вертикальном положении. Потом в моду вошли совместные фотографии покойников со своими родственниками, причём последние, стараясь сделать фото более живым, делали радостные и непринуждённые лица...

У меня резко закружилась голова, а перед глазами встал чёрный траурный покров. Эти фотографии с мертвецами и, особенно с мёртвыми детьми были просто вопиющими!

Я пошатнулась, и лица со старинных фотографий поплыли перед глазами. Если бы Гай не поймал меня, я бы, наверное, хлопнулась в обморок, как жеманная девица в дурном фильме.

– Вы очень чувствительны, Ева, – произнёс Скоробогатов немного удивленно. – Понимаете, все это отделяет от нас целая эпоха, пост мортем несколько не страшен, потому что стал историей, предметом коллекционирования.

Нет уж, с меня хватит!

Пусть какие-нибудь фрики бродят среди всего этого, а мне что-то уже ни капли не интересно.

– Хорошо, тогда пойдёмте в мой кабинет, – с видимым разочарованием произнёс хозяин Музея смерти. – Сейчас я чаю принесу.

– Мне воды, пожалуйста, – попросила я.

Кабинет Скоробогатова, по-моему, был единственным нормальным местом во всём музее. Никакой смертельной символики.

Только кирпичные стены с пейзажами, глубокие кожаные кресла и потрескивание поленьев в настоящем камине.

Пётр Алексеевич уселся за массивным столом из морёного дуба и уставился на Гая. И хотя он выглядел спокойным, было в его взгляде что-то, выдающее крайнее нетерпение.

Гай не стал медлить и передал ему что-то маленькое, тускло блеснувшее в отблесках огня. Приглядевшись, я узнала эту вещицу.

Серебряный перстень с раухтопазом, грубовато отлитый в виде башни средневекового замка.

Пётр Алексеевич бережно взял его и принялся рассматривать чуть ли не с благоговением.

– Ума не приложу, почему вы согласились уступить мне перстень графа Раймона Тулузского, – пробормотал Скоробогатов.

– Я не верю в легенды, – улыбнулся Гай, но его глаза остались серьезными и настороженными.

– И без сказки, с ним связанной, историческая ценность перстня просто огромна. Сколько вы за него хотите?

Гай назвал сумму, от которой я пришла в лёгкий ступор: неужели серебро с полудрагоценным камнем может столько стоить?

Но у Скоробогатова глаза на лоб не полезли, из чего я сделала вывод, что цена Гаем была названа адекватная.

Они немного поторговались и в итоге сошлись на меньшей цифре, но все равно она поражала воображение.

Надо было ехать в аэропорт, часовым рейсом мы летели в Москву. Скоробогатов вызвался проводить нас по безлюдным гулким залам своего музея. Мне хотелось как можно скорее покинуть это царство смерти, но вдруг кое-что привлекло моё внимание. Я остановилась и даже задержала дыхание.

В очередной экспозиции с какими-то открытками и письмами под стеклом на чёрном бархате лежал альбом в миткалевом переплёте, как две капли воды похожий на тот, что я нашла в вентиляции Согинеи.

На пожелтевших от времени страницах были нарисованы мёртвые люди, в основном красивые девушки в шикарных одеждах, напоминающих царские. Например, на одной странице чернилами изображена красивая утопленница, покачивающаяся на волнах живописного озера, а на другой девушка в кружевном пеньюаре, перерезавшая себе вены в ванной.

Все рисунки отличала тонкость исполнения, хорошо прорисованная каждая складочка великолепных одежд и какое-то любование смертью.

Руку Яна я узнала.

– Пётр Алексеевич, а вы можете рассказать про этот экспонат? – выпалила я, поймав острый взгляд Гая.

– Ах, альбом с мёртвыми царевнами... – промолвил хозяин музея. – Занятная вещица, но современная, подделка, хотя автор, бесспорно, очень талантлив, практически Которбинский. Это такой дореволюционный художник, писавший картины на тему смерти, загробной жизни и умирающей юной красоты.

– Откуда у вас этот альбом? – спросила я с плохо скрываемым нетерпением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.